

Колдовские Миры

ТРОСТНИКОВАЯ ПТИЧКА

ОЛЬГА СМАЙЛЕР

Ольга Смайлер

Тростниковая птичка

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8657944
Ольга Смайлер. Тростниковая птичка: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-76661-1

Аннотация

Он – воин-полукровка с закрытой планеты, живущий в жестких рамках традиций и долга.

Она – любимое дитя, часть могущественного земного клана, немного своенравная, немного легкомысленная, как тростниковая птичка, чьи песни приносят удачу.

Случайная встреча, невозможная и невероятная, поставила их лицом друг к другу, окунув с головой в водоворот политических интриг, предательства, жертвенности, боли и надежды. И если для того, чтобы быть вместе, им придётся разрушить привычный уклад жизни, отказаться от благополучия ради надежды, сорвать покровы старых тайн и обмануть смерть – это будет сделано.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Ольга Смайлер

Тростниковая птичка

*Посвящается Юле и Яне, без которых история про Птичку
никогда бы не была написана.*

Пролог

– Я убью эту скотину Эрика! Дайте только мне добраться до СтаПорта и вернуться обратно в Летную школу! Да я этому козлу облезлому рога пообломаю! Я этому самцу озабоченному некоторые части тела повыдергиваю за ненадобностью, ибо после нашей встречи они ему больше не пригодятся! Да я ему!.. Да он у меня!.. Я Старшим Лисси пожалуйюсь, вот! Хватит, наразбиралась самостоятельно, придется подключать тяжелую артиллерию, это тот случай, когда здравый смысл важнее, чем гордость.

От прочувствованного монолога и принятого решения стало чуть легче на душе, и это, пожалуй, единственный плюс, который я смогла найти в сложившейся ситуации. Из-за идиотской выходки моего одноклассника Эрика Мейтона я, трионка Соня Крустель (или Елена София Лисицина, как написано в моем земном паспорте), сижу сейчас в незнакомом месте в полном недоумении. Наверное, стоит объяснить, почему у меня целых два имени? Я одна из Девочек Лисси, то есть принадлежу к широко известному в определенных кругах роду Лисициных. Основательницей рода несколько веков назад стала моя прапрапра... бабушка, землянка Елизавета (Лисси) Лисицина, стоявшая во главе рода почти пять десятков лет. Статистика такова, что у Девочек Лисси на девять новорожденных дочерей рождается один мальчик, поэтому род Лисициных представляет собой сложный родственный клубок сестер, кузин, теток и племянниц, бабушек и внуков, матерей и дочерей, в котором иногда мы и сами не можем разобраться без схем, изображающих сложные семейные связи. По давней семейной традиции рожать и воспитывать детей до пятилетнего возраста следует на Изначальной Земле, в огромном родовом поместье, основанном еще бабушкой Лисси, поэтому большинство детей одного возраста близко знакомы и зачастую дружны друг с другом, да и Землю считают своей родиной.

Конечно, теперь, после многочисленных расселений, эта маленькая голубая планетка Солнечной системы стыдливо переименована в Голубую Гею, а Землей называют крупную планету с ровным, мягким климатом. Пару столетий назад, после сотни успешных колонизаций, чиновники побороли свой страх и в спешном порядке перенесли все официальные учреждения и организации с перенаселенной Геи. Жителям нынешней Земли хроники Эпохи Расселений кажутся пыльной историей, перечнем безликих дат в школьном учебнике. Правда, сценаристы любят эксплуатировать образ сурового колониста и его верной спутницы в традиционных сериалах для домохозяек. Однако мы, потомки тех, кто пожелал остаться на исторической родине человечества, несмотря на все уговоры и давление, считаем себя хранителями истории и по-прежнему называем Гею Землей. Правда, теперь, чтобы не путаться, приходится добавлять «Изначальная».

Вообще, про нас, рожденных на Изначальной Земле, ходит много слухов и легенд, большей частью распускаемых нами для защиты от назойливого внимания. Хотя Голубая Гея лишилась статуса столицы, нас продолжают недолюбливать, презирать, обвинять, про нас сочиняют анекдоты и пасквили. Впрочем, это совершенно не мешает этим же людям с жадным вниманием следить за нашей жизнью и желать оказаться на нашем месте. В моем

случае дело осложняется тем, что девушки из рода Лисициных весьма ценятся на брачном рынке. И, увы, не за красоту или ум, хотя среди нас бывают и настоящие сокровища – за несколько веков Девочки Лисси, известные верностью семейным интересам, породнились с огромным количеством семей разного социального положения и достатка из самых разных уголков Вселенной.

Беря в жены одну из Девочек Лисси, мужчина получает лояльность и поддержку большого и влиятельного рода Лисициных. Правда, тут как раз и возникают проблемы: девушки Лисицины не меняют фамилию после свадьбы и передают ее своим дочерям, а самое главное, не выходят замуж за нелюбимых – династических браков в семье не было уже несколько поколений. Но так или иначе, всегда находятся желающие попробовать жениться любой ценой. Когда родилась я, мама с папой воспользовались «дырой» в законодательстве двух планет, и кроме земных документов, положенных мне по факту рождения, я обрела еще и трионские, как дочь отца-трионца. Самое главное, что и земные, и трионские документы получены совершенно официально, с соблюдением всех формальностей, являются подлинными и признаются Звездным Союзом. И когда три года назад мне потребовалось стать незаметной, я вспомнила про Соню Крустель, мою защитную личину.

А теперь я сижу на незнакомой планете, смотрю на место, где пятнадцать минут назад схлопнулся портал, и понимаю, что личина вышла слишком уж достоверной, раз эта крыса, Эрик Мейтон, решился на подобную подлость.

Глава 1

Сразу после того, как истаяло зеркало портала, я не поверила своим глазам. До сегодняшнего дня я считала эмоциональное пожелание «чтоб у тебя портал схлопнулся» устаревшим ругательством времен первых расселений. Сейчас телепорт может настроить студент-третьекурсник Летной школы, а сразу после появления первых огромных и громоздких рабочих моделей СтаПортов, за которые группа земных ученых получила Нобелевскую премию, порталы были нестабильны. Они могли внезапно схлопнуться или поменять координаты точки прибытия, и хорошо, если точка эта оказывалась на колонизированной планете. Пользовались ими тогда только для транспортировки грузов, и то на свой страх и риск. Но время шло, механизм телепортации совершенствовался, телепорты уменьшались в размерах, потом разделились на стационарные (СтаПорты) и портативные (ПиТы) и постепенно стали такими же привычными гаджетами, как бук или телефон. А уж когда в целях борьбы с перенаселенностью Изначальной Земли правительство запустило программу по расселению, отправляя всех желающих колонизировать пригодные для жилья планеты, телепорты стали жизненной необходимостью.

Самое обидное, что портал, выкинувший меня на теплый, солнечный пригорок на опушке незнакомого, но так похожего на земной леса неизвестной планеты, рассчитывала и программировала на школьном ПиТе я сама. Я была уверена, что все посчитала правильно, впрочем, и сейчас, достав бук и проверив все выкладки, ошибок я не нашла. А это значило, что мерзкая улыбочка Эрика, его шепоток у уха: «Бай-бай, птичка» – и ощутимый удар в спину, когда я входила в портал, были не случайны. Я вздохнула и принялась обследовать пространство вокруг себя. Наконец, пальцы, утонувшие в траве, на что-то наткнулись. Я быстро выудила находку и задыхнулась от возмущения – это оказался ответ сразу на два вопроса: «Что случилось с порталом?» и «Кто этому помог?». Эрик Мейтон, скользкая мразь, кинул в портал новенький мини-бук, который уже неоднократно пытался предложить мне в обмен на некоторые услуги интимного характера. Получив два дня назад очередной отказ, он взбесился и пообещал, что я об этом горько пожалею и что он меня уничтожит.

Наверное, он и правда считал, что, будучи единственным сыном владельца крупной торговой сети, расплзшейся по всем территориям Триумвирата Объединенных Наций, он делает мне одолжение, предлагая стать его содержанкой. Думаю, на Трионе нашлось не слишком много девушек, которые бы с ним не согласились. Ирония заключалась в том, что отец Эрика, Кевин Мейтон, был одержим идеей женить своего «золотого мальчика» на одной из рода Лисициных. Стоило бы мне только заикнуться Старшим Лисси о том, что я рассматриваю Эрика в качестве потенциального мужа, как он тут же оказался бы на моем пороге, перевязанный алым бантом. И был бы самым преданным, самым верным женихом, а потом и мужем – кто-кто, а Кевин Мейтон и Старшие Лисси умеют быть убедительными. Но за два относительно спокойных учебных года, когда Эрик «перебирал» девушек школы, я достаточно насмотрелась на наследника Мейтоновской империи, чтобы желать только одного – оказаться от этого типа как можно дальше. Неприятности начались на третьем курсе, когда бывший два года моим бессменным спутником троюродный кузен Майкл окончил Летную школу с отличием и был зачислен вторым пилотом на звездолет.

Я не знаю, что больше всего задевало Эрика – сам по себе факт отказа или то, что ему отказала девушка, находящаяся, как он считал, ниже по социальной лестнице и уровню достатка, но он взялся за меня всерьез. И вот финальным аккордом этого противостояния стало сегодняшнее утро, когда этот горе-ухажер кинул мне вслед включенный мини-бук, спровоцировав искажение настроек ПиТа. Это не было случайностью, ведь даже малыши

знают, что некоторые бытовые приборы при попадании в портал дестабилизируют его. Нет, это была подлая, расчетливая диверсия, месть отвергнутого самца.

Я разозлилась – Эрик Мейтон еще сильно пожалеет о том, что он сделал. Но сначала надо понять, куда меня занесло, найти способ связаться с родителями, добраться до стационарного телепорта и вернуться в Летную школу Триона. Проваленный экзамен по телепортам волновал меня сейчас меньше всего.

Что же, сколько ни сиди на пригорке, какие изощренные способы мести ни придумывай, а портал обратно не настроится сам по себе. Телефон хоть и включился, но показал полное отсутствие сети. Не слишком весело, но вполне ожидаемо – на дальних планетах обычно процветают свои операторы-монополисты. Значит, первой по важности задачей становится поиск какого-либо обитаемого жилья.

Я встала, собрала растрепавшиеся волосы в хвост на затылке, отряхнула от травы джинсовые брюки-карго и форменную рубашку с погончиками, карманчиками и хлястиками и шевроном Летной школы. Казалось бы, столько веков прошло с тех пор, как Леви Страус сшил первые штаны для фермеров – менялась мода, появлялись все новые и новые ткани с колонизированных планет, – а джинсы и не думают уступать свои позиции. Вещей у меня оказалось минимум: телефон в кармашке на бедре, бук, подаренный родителями на прошлый день рождения, – в кармашке над коленкой, Эриков бук в заднем кармане, да пара «семейных» сюрпризов в специальном отделении на рукаве – все остальное пришлось оставить при входе в кабинет, где проводился экзамен.

Страх не было: куда бы меня ни занесло, рано или поздно семья найдет способ спасти меня, в этом я была убеждена точно так же, как в количестве пальцев на руке. Правда, последняя спасательная экспедиция закончилась настоящим курьезом: теперь главарь контрабандистов и адмирал звездного флота одной маленькой курортной планетной системы женаты на моих троюродных тетках-близняшках. Заскучавшей в отпуске тетке Марте захотелось романтики, и она не придумала ничего умней, чем позволить молодому, симпатичному и рисковому главарю уговорить ее прокатиться на его звездолете. Деятельная тетка Берта, предупредить которую о своих планах сестра не удосужилась, решила, что это похищение, переполошила семью, поставила местную безопасность под ружье и лично отправилась спасать непутевую сестру на корабле адмирала. В итоге ни адмирала, ни контрабандиста от брака спасти не удалось, и теперь на семейных сборищах мы с удовольствием наблюдаем за маневрами, которые проводят эти двое, пытаясь не столкнуться нос к носу. Понятно, что не без помощи семьи контрабанда в данной планетной системе монополизирована, а все конкуренты улучшают показатели работы звездного флота. Ну и совершенно естественно, что ни о какой наркоте, торговле живым товаром и прочих безобразиях не может идти и речи – в некоторых вопросах Старшие Лисси непреклонны и спорить с ними себе дороже. Близняшки же живут в уединенных поместьях, как и положено тамошним женщинам, созваниваются по пять раз на день, растят дочек и говорят, что совершенно счастливы. Судя же по традиционным новогодним чекам в Фонд Девочек Лисси, которые приходят от их мужей, они тоже не жалеют о том, как все сложилось.

Поговаривают, что Фонд Девочек основала сама бабушка Лисси, которая в самые тяжелые свои времена поклялась, что ни один ее ребенок не будет зависеть от кого бы то ни было и не останется без крыши над головой. С тех пор есть негласное правило – незамужние Лисицины отчисляют в Фонд часть своей зарплаты, а вместо тех, что вышли замуж, ежегодный взнос в Фонд делают их мужья. Если посчитают нужным. Но если Девочка Лисси попала в беду, она всегда может воспользоваться помощью семьи – решила ли она начать самостоятельную жизнь, не сойдясь во мнении с родителями или мужем, нужно ли где-то жить, нужны ли деньги на дорогостоящее лечение кому-то из членов семьи или, вот как в

моем случае – требуется организовать поисково-спасательную операцию. Кстати, квартирка, которую до прошлого сентября мы делили с Майклом и в которой теперь я единственный жилец, тоже купили на средства Фонда Девочек. Устав от поисков приличного съемного жилья на Трионе, куда блудные дочери и куда как более трезвомыслящие сыновья семейства Лисициных регулярно сбегали поступать в Летную школу, Старшие Лисси решили проблему кардинально, приобретя двухуровневую квартиру в районе, где проживал средний класс.

Кстати, матушка моя, Анна Мария, тоже из «беглянок». Именно в Летной школе она и познакомилась с моим папой, Артом Крустелем. О подробностях их романа мне известно мало, но именно папенька, узнав о моем намерении выучиться на штурмана, категорически запретил мне даже думать о Летной школе, тем более на Трионе. Я проплакала два дня, но отец был непреклонен, что совсем не вязалось с его обычно отходчивым характером. Вечером третьего дня у меня в комнате оказалась мама с моими трионскими документами, адресом квартиры, принадлежащей Фонду, и той самой парочкой сюрпризов, которые нынче лежат у меня в кармашке на рукаве, – маячком, сделанным моим папой, и платежным sos-чипом Фонда Девочек. Этот чип был разработкой Фонда Девочек и давал доступ к специальному резервному счету – стоило мне хоть раз расплатиться им, как Старшие Лисси получали тревожный сигнал, начинали отслеживать и перемещение чипа, и производимые с его помощью операции, одновременно отправляя спасательную команду. В свое время это изобретение спасло нескольких Лисициных, и я не собиралась пренебрегать возможностью подать о себе весточку. Что же касается маячка...

Говорят, что до моего рождения Арт Крустель был обычным системным инженером, одним из многих, и этот брак вызвал немало вопросов и волну недоумения у тех, кто не имел возможности поближе познакомиться с нашей семьей. А для семьи все было ясно и просто – мама и папа любили друг друга, и этого было достаточно. А потом родилась я, и папенька, в минуту слабости пообещавший маме присутствовать при моем рождении, был потрясен увиденным. Он не только беспрекословно вставал по ночам по первому моему хныку, носил на руках в долгие ночи, когда у меня резались зубки или болел животик, но и с упорством землеройки взялся осваивать новую профессию. С тех пор у семьи Лисициных есть свой мастер, который производит совершенно уникальные защитные, поисковые и прочие почти шпионские приборчики. На папеньку даже пару раз покушались и один раз пытались выкрасть, и после каждого такого раза папа принимался работать с утроенным энтузиазмом и пытался обвесить меня охранками, следилками и разнообразными защитами, как новогоднюю елку. В общем, единственное, на чем клинит моего флегматичного отца, – это безопасность дочерей.

Да-да, уж не знаю, что происходило дома после моего побега, но на Новый год в гости ко мне родители приехали вдвоем, весьма довольные друг другом. Подозреваю, что после моего отъезда, сразу после бурной ссоры и не менее бурного примирения, у них случился новый медовый месяц, что косвенно подтверждается тем, что к концу первого курса у меня появилась младшая сестренка, Таисия-Луиза Лисицина (или Лиза Крустель, как написано в ее трионских документах). Мне пополнение в семействе было только на руку: родители, вовлеченные в круговорот заботы о новорожденной, наконец-то перестали чрезмерно меня опекать, и я смогла пожить нормальной студенческой жизнью, пока мной не заинтересовался Эрик.

Занятая своими мыслями, я и не заметила, как выбралась на дорогу. Хорошую двухполосную дорогу с явно искусственным покрытием. Это не могло не радовать – в мире с хорошими дорогами скорее можно обнаружить и другие блага цивилизации. Осталось только

пойти по ней в любую сторону – и рано или поздно я выйду к какому-либо поселению. Я хихикнула, повернула налево и продолжила свой путь в неизвестность.

Вскоре на горизонте показался город, но чем ближе я к нему подходила, чем отчетливей могла разглядеть, тем тоскливей становилось у меня на душе. Наконец я решила, что достаточно обманывать саму себя, села прямо на дорогу и обхватила голову руками. Хотелось то ли заплакать, то ли завывать – эти белые стены, высокие шпили башен, купол главного здания, возвышающийся над всеми жилыми постройками, – все это словно сошло с иллюстраций к моей отчетной работе по предмету «Галактические культуры и цивилизации». И это значило, что у меня не просто неприятности, а неприятности очень большие. Я попала на Кериму, закрытый, так называемый патриархальный мир.

«Патриархальный мир» – это устоявшийся универсальный термин Звездного Союза, который обозначает закрытый или существенно ограничивающий посещение нерезидентами мир, на территории которого законы Звездного Союза либо не действуют вообще, либо действуют выборочно. Термин этот объединяет несколько десятков весьма различных по уровню развития и внутреннему устройству миров. Разброс был велик: и экоцивилизации типа Китежа, которые в погоне за натурализацией и возвращением к природе с трудом удержались от утраты человеческого облика; и религиозные миры, где последователи какого-либо верования носили только предписанную одежду древних веков, вели натуральное хозяйство и не пользовались достижениями цивилизации, умирая из-за запрета на переливание крови; и даже высокотехнологичные миры типа Кибернаута, где в погоне за техническим совершенством проявление человечности было признано постыдным и тщательно искоренялось. «Патриархальные миры» принимают в Звездный Союз с ограниченным членством, с ними поддерживают ровные дипломатические отношения, подписывают конвенции и декларации, торгуют, особенно если мир богат чем-то редким и востребованным, но стараются держать дистанцию. И если Сайдора, чуть более открытый «патриархальный мир», к этому моменту был хорошо изучен и туда даже проникли представители рода Лисициных, то Керима в этом плане была абсолютная терра инкогнита. Дипломатические отношения с Керимой наладили всего несколько десятков лет назад, были они весьма запутаны и сопровождались таким количеством обязательных церемоний, что для достижения согласия по любому мало-мальски серьезному вопросу иногда требовались годы. А это значило, что, даже если мое местоположение будет известно, официальные процедуры по возвращению меня в школу могут затянуться надолго. И это будет лучший вариант, потому что аборигены вполне могут обвинить меня в шпионаже и отправить доживать мои дни в «миленькую» камеру заштатной тюрьмы или даже принесут в жертву какому-нибудь божеству. И какой вариант наиболее вероятен – сказать невозможно, потому что мир-то закрыт и информации о нем сущие крохи.

Если вам встречался на планетах Звездного Союза керимец, то в большинстве своем это был воин-наемник, в компании еще девятерых таких же смуглых, черноволосых и черноглазых красавцев с чуть раскосыми глазами. Керимцев-наемников весьма ценили, их услуги стоили дорого, да и с наймом все было непросто – требовалось заранее подать заявку и ждать решения керимского Совета Старейшин.

Надо отдать керимцам должное – они стоили запрашиваемых денег, да и нанимателей выбирали весьма тщательно, могли и отказать без объяснения причин. Однако была в керимцах одна странность: среди наемников никогда не бывало женатых мужчин, и при этом не было известно ни про один роман, тайный брак или о незапланированных (или, наоборот, тщательно спланированных) детишках. Это породило волну похабных анекдотов и предпо-

ложений, начиная от повальной импотенции и вплоть до «крепкой мужской дружбы» внутри боевых десятков. Впрочем, именно эта особенность увеличивала спрос на керимских наемников в несколько раз, особенно когда работать требовалось с чужими женами и дочерьми.

Я знала, что слухи – это просто слухи. На прошлых каникулах кузина Амели стащила из кабинета своей мамы папку с информацией о Кериме, собранной для Старших Лисси, и мы всю ночь зачитывались с ней добытыми материалами, а утром дружно клевали носом и терли красные глаза. Были там и записи разговоров с профессионалками, работающими в сфере интим-услуг в заведениях, куда время от времени централизованно наведывались керимцы. Жрицы любви в один голос утверждали, что керимцы обычные мужчины, с нормальными мужскими потребностями, а вот идея однополрой любви вообще никак не уместится в их картину мира.

Мне даже довелось несколько раз видеть женщин-керимок – самые обычные женщины, такие же смуглые, слегка раскосые, чернобровые и черноглазые, с шикарными иссиня-черными волосами. Разве что одеты чуть более консервативно, появляются всегда и везде в сопровождении мужа, браслеты у них еще такие массивные, которые трудно спрятать под одеждой, ну и решение всех вопросов перекладывают на мужчин. И вот сидит такая в космопорту или на станции телепортов в окружении воинов, а ее муж неспешно разбирается с багажом и билетами, решает все возникающие вопросы, потом берет ее за руку – и она просто идет с ним рядом. Впрочем, ни недовольными, ни запуганными эти женщины не казались. Что же, Сонечка, хотела узнать побольше про Кериму? Вот сейчас и познакомимся со всеми тайнами этой планеты нос к носу. Только как-то от этой перспективы становится неуютно.

Первое, что я сделала, когда немного пришла в себя от потрясения, это вытащила из кармашка в рукаве маячок, сделанный папой. Я не знаю принцип его работы, не знаю, что именно он сделает, – я знаю одно: как только мой отец получит сигнал этого маячка, маховик под названием Семья Лисициных начнет набирать обороты. Будут подняты связи и знакомства, Девочки Лисси начнут просить, убеждать и уговаривать, напоминая о старых долгах и когда-то данных обязательствах. Там, где не сработает дипломатия, в ход пойдут деньги. В общем, семья изыщет возможности для того, чтобы я вернулась домой. Не потому, что я какая-то особенная, а потому, что я Лисицина, а Лисицины своих не бросают. Я уныло подумала, что после возвращения домой на моем обучении в Летной школе придется поставить крест, и это тем обидней, что до выпуска остался всего год. Но горевать об этом или пытаться изменить свою судьбу я смогу и позже. Сейчас самой главной задачей стало покинуть Кериму как можно скорей и с наименьшими потерями. Поэтому я сжала тонкий серебристый цилиндр, как учили, шепнула скорей для себя: «Папа, я так хочу домой», – и разжала пальцы. Маячок с тихим хлопком исчез, а я решила, что спасение утопающих – дело рук самих утопающих, и решительно зашагала навстречу городу за белой стеной, построенному вокруг замка Нашер.

Глава 2

Машину сопровождения трясло и подкидывало на ухабах. Выспаться на заднем сиденье, хоть и трансформированном в подобие лежака, не стоило и пытаться, и поэтому я, Сайгон из рода Песчаных Котов, просто лежал и смотрел в окно на небо и деревья, мелькавшие вдоль дороги. Слушая вполуха, как беззлобно переругиваются сидящие впереди Мист, сын Юджина, и мой единоутробный брат Терренс, сын Расмуса, сидевший сейчас за рулем, я думал, думал, думал. Мне не хотелось ехать – Терри прекрасно справился бы сам, тем более что скоро ему придется принять десятку под свою руку. Наверное, сейчас я впервые был благодарен отцу за то, что он в очередной раз вмешался в мою жизнь. В приказном порядке мне пришлось возглавить отряд сопровождения, который направлялся в замок Нашер, вместо того чтобы остаться дома, приводить в порядок дела и заниматься самокопанием.

Нет, я прекрасно понимаю мотивы отца: он отправил меня сопровождать один из традиционных весенних Поездов Невест в тайной надежде, что я вернусь женихом или мертвым героем – дни, отпущенные мне до тридцатилетия, неумолимо утекали, как песок сквозь пальцы. Не знаю и не хочу знать, какое чувство нынче было для него горше – разочарование во мне или беспомощность. Наверное, это страшно: столько лет строить планы, заключать сделки, торговаться, договариваться, угрожать, покупать, убеждать и понять, что есть ситуации, в которых от тебя ничего не зависит. Впрочем, через десять дней мне уже будет все равно. Пока же я еду в последнее в моей жизни задание с людьми, ближе которых у меня только Расмус и Уна. Сам того не ведая, отец сделал мне лучший подарок – возможность побыть самим собой, не спеша проститься с теми, кто мне дорог, посмотреть в деле новичков и последний раз почувствовать теплый ветер свободы на лице.

Впрочем... хотя бы в собственных мыслях можно уже перестать звать его отцом – все эти годы я запрещал себе называть его иначе, чтобы случайно не оговориться. Не отец – Эдвард, сын Эвана, глава рода Песчаных Котов. Человек, который дал мне жизнь.

До десяти лет я считал себя сыном Расмуса, хоть и был вылитой копией мамы, в отличие от остальных моих братьев и сестер, черноглазых и черноволосых, как Расмус. Мы жили в «мирном» поселке, где не селились воины, где ценились добрососедские отношения, чужаков было мало, а «доброжелателей» и вовсе не водилось. У нас была отличная, крепкая семья, и хоть отец и не был воином, но хороший мастер-оружейник может достойно обеспечить семью. Я любил сидеть в его мастерской, смотреть на его скупые, отточенные и от этого очень красивые движения, любил наблюдать, как преобразается под его руками то, что он чинит или мастерит. Мама частенько не могла дозваться нас на ужин и тогда сама приходила в мастерскую, на ходу вытирая руки передником, и я видел, как вспыхивают глаза Расмуса, когда он видит ее фигуру в дверном проеме, и как она улыбается ему в ответ. Мне казалось, что так будет всегда, что я вырасту – и стану мастером, как Расмус, и буду сидеть рядом с ним за длинным столом.

Мир рухнул в такой ясный, теплый, весенний день месяца цветения: мама, получив сообщение на бук, забеспокоилась, позвала меня, Терри, которому было восемь, и семилетнего Сибила, нашего младшего брата, выдала нам корзинки и лепешку с сыром и велела пойти в ближний лес, набрать ягод красники на пирог. Мы вернулись после обеда, довольные, перепачканные с ног до головы, с тяжелыми лукошками с ягодами и волосами, полными хвои, веточек и мусора. Всю дорогу мы представляли, как счастливо всплеснет руками и

похвалит нас Уна и как Расмус поведет нас мыться в баню, а мы будем баловаться водой под его достаточно формальное ворчание. Но дом встретил нас тяжелым молчанием. Мы проскользнули через заднюю дверь на кухню, оставив добычу на веранде, и беспомощно замерли, не зная, что делать и пугаясь от неправильности происходящего – ни мамы, ни младших сестренек Лины и Ани, которые были слишком малы, чтобы обходиться без нее, в кухне не было.

– Сай, малыш, вы вернулись? – позвал меня из горницы мамин голос. С голосом мамы тоже было что-то не так – он не звенел, как обычно, колокольчиком, а казался каким-то надтреснутым. – Проходи сюда, сынок.

Я тщательно отер грязные ступни о половичок и пошел на голос. Первыми, кого я увидел в горнице, были Расмус и Уна. Лицо у мамы было заплаканным, а на скулах Расмуса ходили желваки, и он до побелевших костяшек стискивал кулаки. Это было страшно и очень неправильно. А потом я заметил чужака – в дорогой нарядной воинской одежде он казался лишним, инородным телом в нашем доме, и я впервые почувствовал ненависть, еще до того, как мама сказала:

– Сайгон, это твой отец, глава рода Песчаных Котов, воин Эдвард, сын Эвана. Теперь ты будешь жить с ним.

Я посмотрел в черные глаза воина, потом повернулся к нему спиной и впервые решился возразить матери:

– Я не хочу с ним ехать. Он злой. И он не мой отец – мой отец Расмус. Папа, ну скажи ему!

Расмус посмотрел мне в глаза, и взгляд его был затравленным – он никогда не лгал нам, и я знал, что сейчас он тоже не будет лгать, и эта правда будет болезненной.

– Это правда, Сайгон. Эдвард, сын Эвана, действительно твой отец. И тебе придется пойти с ним.

Я снова повернулся к воину, посмотрел ему прямо в глаза и ответил:

– Нет.

Щеку обожгло огнем – великий воин Эдвард, сын Эвана, дал пощечину своему десятилетнему бастарду, который решил отвергнуть проявленную к нему великую милость.

Из дома родителей меня пришлось выносить воинам отца, я цеплялся за маму, плакал навзрыд и кричал, что ненавижу всех. В машине я заснул, обессилив от слез, а когда проснулся, понял, что сделаю все, чтобы этот страшный человек, назвавшийся моим отцом, никогда не смог считать себя победителем.

Но для начала надо было выжить на новом месте. Мои новые соседи охотно просветили меня, что я – дитя греха моего отца и в то же время его проклятие, что моя мать ведьма, я никогда не стану воином, а еще, что я урод, потому что у меня светлые волосы, бледная кожа, слишком худое тело и серые глаза. Я дрался, сперва неумело, выступая скорее в роли мальчика для битья, отлеживался и снова лез в драку. Я больше не плакал – слезы кончились в тот день, когда меня увезли от мамы и Расмуса, и словно что-то внутри меня заледенело. Мачеха встретила меня откровенно враждебно, она не упускала случая обидеть или оскорбить меня. Отцу жаловаться было бесполезно, впрочем, я и не рассчитывал на его поддержку, да и помощь его не принял бы. Для него же я был живым напоминанием о прошлом, которое он хотел забыть. Он пытался как-то построить отношения, пытался воспитывать меня, но я уже был слишком взрослым и слишком ненавидел его для того, чтобы воспитание шло успешно. Единственное, чего он смог добиться, – я стал звать его отцом, не вкладывая в это понятие ни тепла, ни особого смысла.

В то нелегкое время отдушиной для меня стал дядя Эмиль, сын Камалья, один из побратимов отца. Именно он, прекратив очередную кровавую драку с моим участием, стал учить меня. Сперва – давать сдачи и защищаться, потом – нападать, а после – владеть оружием. Я часами пропадал в отведенной ему комнатке в отцовском доме, прячась от гнева мачехи и холодного равнодушия отца. Наша своеобразная дружба не осталась незамеченной Эдвардом, и дядя Эмиль стал моим официальным учителем. Он же рассказал о возможности сбежать из родительского дома, поступив в воинскую школу. Ради побега я был готов на многое, поэтому погрузился с головой в учебу. О своей прежней семье я запретил себе даже думать – от мыслей было больней, чем от синяков и ссадин после очередной драки. Это были долгие пять лет.

А незадолго до того, как я покинул дом отца, дядя Эмиль рассказал мне историю моей матери без прикрас и купюр.

Мы, керимцы, поклоняемся Великой Праматери, которая принесла наш народ в своих ладонях на эту планету и вдохнула в него жизнь. Ритуальная фраза звучит красиво, не правда ли? Но лишь немногие любопытные, которым удалось добраться до истоков и архивов, знают, что скрывается за парадным фасадом. Несколько веков назад, во времена Расселения, ученый-генетик и просто женщина, которую предал возлюбленный, Керима Мехди подала заявку на колонизацию и создала свой закрытый мирок, который потом назвали ее именем. Сложно сказать, где она набрала столько добровольцев и что она им пообещала, о чем говорила и о чем умалчивала, но Керима стала огромной площадкой для уникального эксперимента. И, с точки зрения Праматери, он прошел удачно. Именно поэтому на Кериме женщина выбирает себе мужчину, а нам остается принять этот выбор.

Только после свадебного благословения Праматери керимец может стать отцом. Думаю, что запускает такую реакцию организма свадебный напиток, в который щедро добавляют садх, наркотик. А делает реакцию необратимой брачный браслет, сделанный по особым правилам и из особого материала жрицами Храма Праматери. Мужчина, надевший брачный браслет, настолько привязан к своей избраннице, что не может ни уйти от нее, ни изменить ей – это становится невозможно физиологически. А еще на Кериме нет разводов – если мужчина не сумел удержать свою женщину, ему незачем дальше жить. Парные браслеты связаны между собой, и самочувствие мужчины напрямую зависит от того, какое расстояние разделяет его и его половинку. Чем дальше находится жена, тем больший дискомфорт испытывает муж, а если расстояние становится критически большим, то дискомфорт перерастает в боль. Именно поэтому наемниками могут быть только неженатые воины, именно поэтому семейные пары всегда путешествуют вдвоем. И именно поэтому ритуальное самоубийство – самый быстрый способ облегчить страдания покинутого супруга. Снять брачный браслет можно только после смерти второго супруга. Жители других миров говорят, что у наемников нет чувств, но они не совсем правы. Просто Праматерь Керима немного поколдовала над своими детьми, и все чувства наших мужчин спят до дня, когда тяжелый плотный обруч обхватит запястье нашей правой руки. К несчастью, я керимец только наполовину.

Отец привез мою мать с одной из планет, где наемничал, – ее просто подарили ему как красивый кинжал или породистую лошадь. Говорят, что он был очарован ее светлыми волосами и тонким, гибким телом, так не похожим на крепкие фигуры керимок, поэтому, нарушая все правила, взял ее к себе на ложе, хотя Расмус, оказавшийся в тот момент в воинском поселке, попросил ее в жены. А дальше случилось невозможное – Уна забеременела, хоть мой отец и не надел ей браслета. Сестры из Храма Праматери пришли к отцу и потребовали,

чтобы он женился – беременность иномирянки была великим благословением Матери-Прародительницы. Но у отца уже была выгодная политическая невеста, и ему оказалось проще щедрым жестом предложить Уну Расмусу и забыть о проблеме, когда тот согласился. Расмус обожал мою мать, поэтому организовал свадьбу в тот же день, боясь, что отец передумает, а потом, как и положено настоящему отцу и мужу, помогал Уне в родах, дал мне имя и принес первый раз в Храм показать Великой Праматери. Для нас с мамой Расмус оказался настоящим спасением.

А вот от Эдварда удача отвернулась. Мать-Прародительница не простила своевольного воина. Найна, его жена, не могла подарить ему детей, потому что беременности заканчивались слишком рано. Единственная дочка, которую ей удалось пронести достаточно долго, родилась слишком маленькой и слабой и не прожила и одного дня. С каждой потерей отношения отца и Найны становились все хуже. Эдвард показывал Найну лучшим керимским врачам, но те лишь разводили руками – спорить с волей Матери побаивались. Наконец отец сумел уговорить жену пройти обследование у врачей Звездного Союза. Тут и выяснилось, что из-за редкого генетического заболевания Найны, являющегося последствиями экспериментов нашей Праматери Керимы, она не сможет родить Эдварду здорового ребенка. Но отцу был необходим наследник, и терпеть стыд от существования сына-бастарда было легче, чем носить метку бесплодия. Вот тогда-то отец появился в доме родителей, требуя то, что принадлежит ему по праву.

В пятнадцать я с благословения дяди Эмиля и с собранным им рюкзаком с самым необходимым сбежал из отцовского дома и отправился в другой город на рейсовом флайбусе поступать в воинскую школу. И, заполняя анкету в графе «имя», решительно вывел «Сайгон из рода Песчаных Котов». За моей спиной шептались, но еще живо было старое правило, позволявшее именоваться именем рода вместо отцовского, хотя и не было принято так среди воинов. В школу я поступил и с удовлетворением узнал о том, что отец был взбешен и моим побегом, и тем, каким именем я назвался, и, самое главное, тем, что у него больше нет надо мной власти. Жизнь в доме отца я был хорошо подготовлен и к попыткам задеть и унижить, и к неизбежным дракам, и к нездоровому интересу ко мне, вызванному моей непривычной для керимцев внешностью. Драки, издевки и попытки задеть я пропускал мимо себя, отвечая скорей автоматически. Не был я готов лишь к искреннему проявлению теплых чувств. В первый «родительский день через два месяца после поступления я даже не хотел выходить из общей спальни. Но почему-то вышел, спустился вниз в рекреацию, полную родителей и других кадетов, и замер, увидев повзрослевшего и серьезного Терри. А рядом с ним Уну и Расмуса. Мне показалось, что я не могу дышать: горло свело судорогой, а ноги сделались ватными. Терри увидел меня и стал прорываться сквозь толпу, чтобы, как в детстве, стиснуть мне руку чуть ниже локтя своими ладонями.

– Сай, большой брат! Ты стал такой серьезный!

А потом подошла мама и обняла меня, и я старался не показывать, как я соскучился по ее теплу, по родному запаху, и удивлялся, какая она теперь стала маленькая – я почти с нее ростом. Я смутился, мне хотелось одновременно замереть в ее объятиях и вырваться из них, и я все гладил ее по волосам и утешал ломающимся голосом:

– Ну все хорошо, мам, все хорошо, что ты со мной, как с маленьким.

Расмус чувствовал себя неловко, долго топтался рядом, не решаясь подойти, а когда я сам шагнул ему навстречу, он неожиданно и неловко обнял меня и зашептал:

– Сай, мальчик мой, я так виноват, я не смог тебя защитить.

И неожиданно где-то в глубине души по ледяному панцирю поползла маленькая трещинка, а я таким же шепотом ответил:

– У меня всегда будет один отец. Только пусть это будет наша тайна.

Когда мы шагнули в сторону друг от друга, глаза Расмуса влажно блеснули. Наверное, показалось, ведь в это время я пытался вытереть свои, в которые попала противная мошка.

Эдвард, сын Эвана, появлялся за пять лет обучения в школе несколько раз, на официальных церемониях. Но после каждой сессии я получал длинное пространное письмо с разбором моего поведения и полученных оценок.

А про поведение ему всегда было что написать. Через два года после меня в воинскую школу поступил Терренс. Как он сам говорит, чтобы быть ближе ко мне, но я-то помню, что у него никогда не было особенной тяги к отцовскому ремеслу, которая, похоже, вся досталась Сибилу. Так вышло, что, не сумев наладить отношения со своими одноклассниками, я с легкой руки Терри, который быстро обрастал друзьями и полезными знакомствами, прибил к его компании. Сразу после выпуска мне предложили отучиться еще два года по специальной программе на командира десятки, и я согласился не раздумывая. Это были еще два года вне поля зрения отца, два года рядом с друзьями, которых у меня так долго не было. Самым большим потрясением для меня стало, что, едва получив документы как командир десятки, я обнаружил, что бук забит почтой, а к нам с Терри в комнату началось паломничество тех, кто хотел в эту десятку войти. Если желанию Терри и его друзей я был не слишком удивлен, то просьбы от моих одноклассников или тех, кто окончил школу раньше меня и уже разъехался по домам, меня сильно удивили. Когда я поделился этим с Терри, тот лишь усмехнулся и махнул рукой, в которой была зажата хурма.

– Просто ты правильный парень.

И в этой фразе был весь мой брат.

Домой я вернулся уже вместе со своей десяткой. К несчастью, я все еще был наследником главы рода и отец запретил моей десятке наемничать на чужих планетах, мотивируя соображениями безопасности. К счастью, запретить что-либо на Кериме он нам не мог, мы были на хорошем счету и сумели к двадцати пяти, как и положено приличным воинам, перебраться из общинного дома в свои собственные. В то время я уже подумывал о женитьбе. Кайла была юной жгучей красавицей, похожей на экзотический цветок. Я дарил ей сладости и украшения, которые привозил с заданий, собирал меха для брачного ложа и даже ходил в Храм Праматери посмотреть на браслеты. Мне казалось, что я ей нравлюсь, во всяком случае, желтые, солнечные бусины на мою куртку она нашила сама. Я брал ее за руку и чувствовал, как сердце сладко падает вниз и замирает.

Так было, пока однажды, вернувшись раньше времени, я не прокрался к ее дому, надеясь сделать сюрприз. Да так и замер под раскрытым окном:

– Сайгон? – отвечал мой нежный, трепетный цветок на вопрос подруги. – Ну сама посуди, он же урод! Ты же видела – он пошел в свою ведьму-мать: волосы эти, как солома, на солнце выгоревшая, тонкокостный, как будто палку проглотил, глаза непонятного цвета, лицо вытянутое. Ну кто на него еще посмотрит? А тут я, сама бусины нашила. Да он на меня надышаться не может, любой каприз исполнить готов. А браслет наденет и никуда уже не денется. Чтобы стать женой главы рода и потерпеть можно, вон Найна терпела же.

– Ну да, – соглашалась с ней подруга, – Сайгон, конечно, уродец... Но сын главы рода.

Я уходил от дома, вспомнив всю воинскую науку, стараясь, чтобы мое присутствие было незамеченным, а наутро ссыпал желтые, потерявшие свой солнечный блеск бусины Кайле в ладони, повернулся и ушел.

С тех пор я не принимал ничьих бус, не держал девушек за руки и сундук с мехами просматривал и пополнял механически, потому что так надо, а я не хотел привлекать излишнего внимания.

Пару раз Терри пытался вызвать меня на откровенность, но я неизменно уходил от ответа, а год назад он загнал меня в угол.

– Большой брат, ну вот что ты творишь? – сказал он мне тогда. – Мать себе места не находит.

Это был запрещенный прием, и брат знал об этом.

– Терри, я уже большой мальчик, чтобы обо мне беспокоиться, – буркнул я, все еще надеясь уйти от болезненного и неприятного разговора.

– Да, большой. Через год с небольшим тебе уже тридцать будет. Ты думаешь, мы ни о чем не догадываемся? Или забыли о Прерванных Линиях? Или, может быть, ты забыл?

Я не хотел говорить этого, но, похоже, это был единственный выход из положения.

– Нет, я помню. И думаю, что пойду по путям Прерванных Линий.

Я видел Терри в разных ситуациях, даже в тех, в которых казалось, что выхода нет, но в этот раз выражение его лица меня испугало.

– Сай, почему? Как, как ты можешь так просто говорить об этом?

– Это традиция, маленький брат. Мужчина, который не смог создать семью до тридцати, бесполезен и должен уйти за грань. Я помню об этом, и, когда придет время, я уйду из жизни, как и положено воину.

– Сай, но ведь тебе предлагали бусины, и не один раз? Почему ты не можешь взять хоть у кого-нибудь?

– Потому, Терри, что я не хочу брать бусины «у кого-нибудь». Я хочу, чтобы бусины предлагали не экзотическому уродцу, не сыну главы рода и не богатому жениху. Я хочу, чтобы моя невеста видела меня, Сая, как Уна видит Расмуса. А на меньшее я не согласен.

И вот теперь я лежу на заднем сиденье машины сопровождения с закрытыми глазами и думаю о невестах, что ждут нас в замке Нашер.

– Как он? – спрашивает Мист, успевший занять водительское место.

– Заснул наконец, – прислушивается к моему дыханию Терри. Тянется в проход и неожиданно подтыкает, как маленькому, стиранный и латанный плед, купленный когда-то нами на первом задании и с тех пор путешествующий с нами в машине как талисман на удачу.

– Как ты думаешь, может, ему в этот раз повезет? Так больно за командира, такой мужик мировой, и собрался по путям Прерванных Линий. – Это снова Мист.

– Ты же знаешь, какой он упрямый, – вздыхает Терри, и я прямо вижу, как заостряются черты его лица и он отводит глаза. – Услышал однажды, как его одна курица уродом назвала, так теперь никого и близко не подпускает. Когда он жил в доме его отца, ему часто доставалось за то, что он на маму похож.

– Да их, женщин, не поймешь, – явно кривится Мист, – и чего им надо?

– Знал бы – давно бы Сая женил. Сам-то из-за него до сих пор не женился, я человек простой, мне особенного никого не надо. Но как его бросишь одного, пропадет ведь... – бормочет Терри.

– О, смотри, Нашер показался! – радуется Мист. – Командира будить будем?

– Пусть поспит, – просит Терри, – кто знает, что его еще там ждет?

– Кто знает, – соглашается Мист, и под мерный шорох шин по покрытию я наконец-то уплываю в сон.

Глава 3

К воротам города, раскинувшегося вокруг замка Нашер, между прочим, включенного во всемирное историческое наследие, я подошла примерно через час, влившись в поток других путников, которые постепенно на перекрестках с тропинками, дорожками и дорогами присоединялись к общему движению. Пару раз мимо проезжал громоздкий колесный транспорт, словно сошедший с иллюстрации учебников по истории, оставляя за собой едкий запах. Толпа расступалась по обочинам, унося меня с собой, потом снова возвращалась на дорогу. К счастью, гужевого транспорта и верховых лошадей замечено не было, и я невольно перевела дух. Живых лошадей я видела немного, в зоопарке и в развлекательных парках, а последний раз я очутилась в седле в десятилетнем возрасте, и то только для того, чтобы папа сделал красивую фотографию для моей странички в соцсети. На меня поглядывали с любопытством, но заговаривать не решались, а я старалась идти, не поднимая глаз, и старательно прислушивалась. Говорили тут на местном диалекте всеобщего языка, вполне понятном, но немного архаичном, и я снова вздохнула с облегчением – оказаться еще и без возможности объясниться с аборигенами было бы очень некстати.

Выглядела окружающая действительность, если не брать в расчет моих спутников, вполне по-земному – голубое небо только добавляло сходства с пейзажами Изначальной. Желтое светило (к счастью, одно) упорно карабкалось ввысь и ощутимо припекало сквозь темную плотную джинсу. На Изначальной в первые солнечные дни я предпочитала носить головной убор, несмотря на поддразнивание родственников – в случае нарушения этой нехитрой техники безопасности мне приходилось отлеживаться в темной прохладной комнате, иногда более суток отходя от последствий перегрева. Вот и сейчас мне страшно хотелось прикрыть чем-нибудь свою яркую макушку. На Трионе и в воде, и в воздухе – в общем, везде присутствует микроскопическая взвесь весьма востребованного минерала юджинита. Она безвредна для человека, но окрашивает небо и воду Триона, а также волосы и ногти трионцев в целую гамму лилово-красных тонов. Мои волосы после почти трех лет жизни на Трионе из мышино-русых стали того самого насыщенного бордово-коричневого оттенка, который продавцами красок для волос гордо называется «красное дерево». Кстати, мне безумно нравился этот бонус жизни на Трионе – красные оттенки волос, ногти разнообразных бордово-лиловых оттенков, которые не нужно красить – только подпилить, ну, может быть, наклейку или стразик добавить. Трионки же упорно пытались победить природу и считали высшим шиком красить волосы в набивший на Земле оскомину «изначальный русый» и носить «французский маникюр». Я с тоской посмотрела на свои короткие, аккуратные ноготки и вздохнула – избавиться от длинных ногтей заставили всех учениц третьего курса, мотивируя это грядущей летной практикой и недопуском к сессии в случае отказа.

Людской поток останавливался в десятке шагов от темного проема ворот в белой гладкой городской стене, выстраиваясь в некое подобие очереди. Я покорно замерла, уставившись взглядом куда-то между лопатками впереди стоящего керимца в холщовой рубашке, явно никогда и ничего не слышавшего о дезодорантах, но играть роль бесчувственной куклы долго не смогла, замучило фамильное любопытство. Стены города тянулись вверх, щурились подслеповатыми глазками бойниц, расположенными через каждые пять шагов, ершились черепичной крышей над крытой галереей. Тем временем очередь неспешно продвигалась вперед, и мужчина в холщовой рубашке, что стоял передо мной, не задерживаясь, проскользнул в город. Мне пришлось пройти с десятков шагов вперед, чувствуя спиной любопытные взгляды, и остановиться перед городскими стражниками по их знаку.

Два воина-керимца с одинаковым равнодушным выражением лиц, стоявшие в огромном арочном дверном проеме, опираясь спиной каждый на свою створку тяжелой, окован-

ной железом двери, видимо, тоже осоловели от яркого весеннего солнышка. Впрочем, не мудрено, если стоять на самом солнцепеке в черной одежде, кажется, даже из натуральной кожи и высоких сапогах, да еще и с автоматом, висящим на ремне на шее. Длинные волосы у обоих стражников были небрежно и без изысков стянуты на затылках. Единственное, что отличало этих двоих, были бусины, которыми были расшиты их куртки, – у левого, молодого, бусины были разноцветными и украшали грудь и плечи, у того, что был постарше, бусины блестели тусклым металлом и скупно обозначали область сердца.

– О, еще одна, – кивнул младший старшему над моей головой, словно меня тут и не было, и, повернувшись ко мне, уточнил: – В замок?

– В замок, – сочла за лучшее согласиться я.

– Странная она какая-то, – теперь уже старший ответил младшему, и снова как будто меня тут не было, правда, рассматривать меня при этом не прекращал, – ты откуда, женщина?

– Оттуда, – махнула я рукой в сторону лесочка, в котором схлопнулся мой портал. Тетка Берта всегда учила, что надо говорить правду и только правду, а уж в каком объеме и как подать – другой вопрос.

– Аркаимка, что ли? – удивился младший. – А что с волосами?

– Пыль минерала юджинит, – и ведь не соврала ни разу, – волосы от нее цвет меняют.

– Точно из Аркаима, только они такое могли придумать, да и говор не наш. – Голос старшего стал спокойнее. – Глянь, как одета, просто срамota. Южане... – И снова перевел на меня взгляд: – А почему одна пришла?

– Так никого больше и нет, – перепугалась я, припомнив, что не видела в толпе женщин – все-таки «патриархальный мир», может, тут женщины нос на улицу не смеют показать.

– Сирота, значит, – хмыкнул младший, – то-то они тебя отправили, небось своерожденных дочек пожалели, а за сироту кто вступится?

– Вольный город Аркаим, – сплюнул старший с презрением и снова обратился ко мне с неожиданным участием в голосе: – Ты хоть знаешь, зачем ты здесь?

Я пожала плечами – у меня был план, но воины сейчас говорили явно о чем-то своем, поэтому я не стала углубляться в подробности.

– В общих чертах, – кивнула я старшему.

– Проходи вон к Дагу, – вздохнул младший, показывая мне на очередного воина, сидящего уже внутри крепостной стены за выносным столиком под тентом, возле которого маячила знакомая холщовая рубашка, и вдруг сделал странный круговой жест перед моим лицом, – и пусть будет благосклонна к тебе Великая Праматерь.

Я шагнула в ворота, и мне вслед полетел бас старшего:

– Даг, тут сирота из Аркаима. В замок. Сопроводить бы.

А когда я вздрогнула и обернулась, то увидела белозубую улыбку.

– Да не бойся ты, теперь тебя больше никто не обидит.

Когда я преодолела расстояние до стола совсем немолодого Дага, тот уже быстро писал что-то в настоящей бумажной амбарной книге настоящей перьевой ручкой, блестя в солнечном свете толстым массивным золотистым браслетом. Я ахнула про себя – бумага, ручка – это были настоящие архаичные вещи, они стоили бы и на Трионе, и на Изначальной Земле бешеное состояние.

– Имя, – буркнул Даг, продолжая строчить, не отрываясь от тетради.

– Соня. Приятно познакомиться, – ответила я вежливо.

Воин неожиданно поднял голову, внимательно посмотрел на меня, хмыкнул и вернулся к своему занятию.

– Возраст?

– Двадцать один.

Тут он снова поднял голову, посмотрел уже гораздо внимательней и вдруг очень строго спросил:

– Почему до сих пор не замужем?

Я опустила глаза на метеную мостовую улочки, на которой стояло рабочее место Дага, до боли стиснула руки, чтобы не расхохотаться, и ответила как можно более смиренно:

– Характер скверный. Не берет никто.

– Харааактеер, – протянул Даг, – ну ничего, может, и правильно тебя в замок отправили – воины сильные, некоторым нравятся... с характером... Присмотришься, выберешь...

Продолжение фразы я так и не услышала, потому что Даг, завидев кого-то за моей спиной, рыкнул:

– Хавьер, проводи аркаимку в замок и проследи, чтоб не обидели сироту.

– Подождите, – взмолилась я, – подскажите сначала, где у вас кеш-автоматы? У меня с собой вообще нет денег.

По недоумевающим глазам воинов было видно, что вопроса они не поняли. Я полезла в кармашек на рукаве, вытащила тот самый sos-чип и протянула к Дагу на ладони, чтобы было наглядно.

– Кеш-автоматы, которые чипы обслуживают.

Даг как-то напрягся, глядя на мою ладонь, и спросил:

– И откуда *это* у тебя?

И по выражению его лица я поняла, что это тот случай, когда правду надо аккуратно дозировать.

– Мама дала... когда мы прощались. – И ведь правда, мы как раз прощались, только было это на Изначальной и я собиралась на Трион. – Сказала, что я смогу этим воспользоваться... в крупном городе... Как чувствовала, что... Понимаете, у меня ведь ничего с собой нет – мне велели все оставить, перед тем как я...

Неожиданно для себя я всхлипнула и замолчала, стараясь не разреветься – очень захотелось домой, к маме, да и прекрасную этническую сумку, присланную родственниками с Сайдора за неделю до сессии и оставленную у входа в экзаменационный кабинет, было ужасно жалко.

Даг пожевал губу, посмотрел на чип на моей ладони, потом своей ладонью заставил меня сжать кулачок.

– Спрячь и никому не показывай его. Тут ты им воспользоваться не сможешь. Мама твоя защитить тебя пыталась по-своему, но она женщина и не все понимает. А сейчас иди с Хавьером, вы и так уже опаздываете.

Я вздохнула и шагнула было от стола, но тут Даг, видимо, принял какое-то непростое для себя решение и властным жестом подозвал моего проводника поближе к столу.

– На, возьми. Зайдете в лавку на Монетной, хоть бусин купите. Жалко девочку. – И золотистая монетка перекочевала из одной руки с массивным браслетом в другую, тоже обрасленную.

И я зашагала вслед за керимцем, затянутым в кожу, навстречу своей судьбе.

Приноравливаясь к широким шагам моего провожатого, уверенно прокладывающего дорогу по улицам этого города, я мысленно перебирала все известные мне на родном и всеобщем ругательства, сдабривая их типично трионскими заковыристыми словечками. Лейтмотивом этого весьма эмоционального монолога была мысль: «Расслабилась, Сонечка? Решила, что в сказку попала? Сказочка уж больно стремная выходит». Ситуацию следовало тщательно обдумать, и как можно скорей, пока я не наделала глупостей. И я стала судорожно ее, ситуацию, анализировать. Итак, что я могу сказать после первого контакта с местными? Факт первый, и самый печальный – платежным чипом я воспользоваться не могу, так что я

осталась и без местных денег, и без возможности подать сигнал Старшим Лисси. Факт второй – ни у воинов, ни у местных жителей я не заметила телефонов, впрочем, не замечены были и разговаривающие по гарнитуре, по громкой связи или задумчиво читающие что-либо с экрана керимцы. Значит, и мой аппарат не желает работать по самой банальной причине – тут просто нет сети. Факт третий – настоящая бумажная книга вместо бука. Могу спорить на сайдорский кошелечек, который, в отличие от сумочки, остался лежать у меня дома, что и информационной сети на этой планете не водится. Факт четвертый – колесный транспорт для перевозки грузов и пешие прогулки местных жителей. А это значит, что и телепортов тут тоже нет – иначе от этих дурнопахнущих рычащих чудовищ давно бы избавились. Все же эти четыре факта в совокупности приводят меня к одному печальному выводу – самостоятельно я не смогу ни выбраться отсюда, ни подать знак родным. Значит, мне надо молиться всем известным богам всех известных мне пантеонов, чтобы с папиным маячком было все в порядке. Иначе... А вот про «иначе» думать совсем не хотелось.

Хавьер неожиданно притормозил, так что я, влекомая инерцией и поглощенная своими мыслями, чуть не врезалась ему в спину, шагнул в сторону, приоткрыл и придержал дверь из темного стекла, слегка подтолкнув меня внутрь здания.

– Чуть про бусины не забыл! Сможешь побыстрее?

И я очутилась в настоящем царстве бусин: они были тут везде, в ящичках, коробочках, жестяных тубах, пластиковых разноцветных лотках, висели в связках на длинных шнурах, свисали занавесью из низок с потолка – разных форм, расцветок, с блестками и без, чего тут только не было. Но рассмотреть все это великолепие мне не дали. Хавьер подтащил меня к небольшому пластиковому стеллажу, стоящему у окна, на котором ровными рядами стояли небольшие коробочки, полные очень простых внешне, гладких, одноцветных бус всех оттенков радуги – каждый цвет в своей коробке:

– Вот они, тут.

Я тоскливо посмотрела на блестящий в искусственном освещении пластик, совершенно не понимая смысл того, что сейчас происходит, но не посмела возразить. Поколебавшись между темно-лиловым и изумрудно-зеленым, решила еще раз пробежаться взглядом по стеллажу и наткнулась глазами на почти пустую коробку, словно бы стыдливо пристроенную на задворках самой нижней полки. Я присела на корточки и протянула руку. Бусины в этой коробке не были пластиковыми, материал, из которого они были изготовлены, был очень похож на потемневшее серебро.

– Можно я возьму эти? – спросила я, обернувшись к Хавьеру и высыпав на ладонь оставшиеся бусины.

Их оказалось семь, и я почему-то решила, что это хорошо.

Хавьер очень удивленно смотрел на меня, и я, решив, что поняла причину удивления, поспешила объяснить:

– Я не знаю, хватит ли у нас на них денег. – Цену я прекрасно разобрала, но ни номинала монетки Дага, ни того – за одну бусину или за десяток выставлена эта цена и в каких денежных единицах, я не знала.

– А как же ты... – начал было Хавьер, но я прервала его:

– Когда я еще жила с родителями – за все платил папа. А когда я стала жить одна... В общем, мне не приходилось держать в руках деньги – и это тоже было правдой.

Студенты Летной школы обязаны были во время учебы пользоваться для всех расчетов только чипом школьного банка. Отчеты о покупках время от времени проверялись, и это было хорошей гарантией, что студенты не купят себе какой-нибудь запрещенной дури.

Но Хавьер опять понял меня по-своему, помрачнел и поманил меня к прилавку, где к монете Дага добавил еще одну, из своего кармана:

– Заверни нам, почтеннейший, бусины.

Хозяин, в чью протянутую ладонь я ссыпала бусины, неожиданно удивленно посмотрел на меня:

– Рисксовая ты, девонька.

– Сирота она, – отрезал Хавьер так, как будто это что-то объясняло.

– Да что ж ты сразу-то не сказал, – всплеснул тот руками, не забыв перед этим аккуратно ссыпать бусины на бархатную подложку. – Ну, раз такое дело... – Хозяин зашуршал ящиками прилавка, что-то разыскивая и бормоча себе под нос: – Где же, где же, только недавно ведь видел. О, вот оно!

И через пару минут бусины, аккуратно нанизанные на толстый пластиковый шнур с хитрым закручивающимся замочком, превратились в браслет на моей руке.

– Спрячь под одежду, – посоветовал Хавьер, невозмутимо наблюдавший суету хозяина, – и постарайся, чтобы другие не увидели.

– Денег с сироты не возьму, не обижайте, – неожиданно посерьезнел хозяин и, повернувшись ко мне, сделал уже знакомый мне странный круговой знак перед моим лицом. – Пусть благословит тебя Великая Праматерь.

Хавьер не стал спорить, забрал обе монетки с прилавка, сунул их в кармашек на рукаве, где лежал чип, строго одернул мой рукав, пряча под ним браслет, и неожиданно улыбнулся:

– Монетки на удачу!

– Спасибо, мне пригодятся, – отозвалась я, пробираясь за ним к выходу.

Хавьер расхохотался так, что не сразу смог открыть дверь.

– Нам с Дагом на удачу, вот ведь... женщина.

Я выбралась на улицу, подставила заалевшие уши теплему ветру и призналась самой себе, что этот «маскарад вслепую» вызвал во мне самые противоречивые чувства.

Мы прошли еще квартал, повернули направо и оказались на площади перед белоснежным замком. Вблизи он казался еще более загадочным и прекрасным с его невероятными башенками, куполами и галереями.

– Нам в Зеленую дверь, – сообщил Хавьер совершенно бесполезную для меня сейчас информацию, и я покорно зашагала за ним через площадь. А потом мы прошли еще немного по утоптанной дорожке вдоль замковой стены, пока действительно не дошли до небольшой зеленой двери. Хавьер требовательно постучал в зеленую дверь и гаркнул:

– Открывай, я невесту привел. Аркаимка. Сирота.

«Ой, маааама!» – только и успела подумать я.

Дверь бесшумно отворилась.

Глава 4

Я долго стоял под струями горячей воды – все-таки несколько дней тряслись на машине, сменяя друг друга за рулем, и вылезали только отлить и немного размять ноги, да обменяться парой слов с парнями, едущими следом. Впрочем, растянуть удовольствие не получилось – Терренс настойчиво забарабанил в дверь душевой, ехидно осведомляясь, не превратился ли я в рыбу, и напоминая, что очередь в душ общая. Пришлось вылезти, наскоро обтереться выданным маленьким и жестким полотенцем (специально для нас держат, что ли?) и втиснуться в свежую одежду. Почти все наши уже вымылись и старательно приводили себя в порядок. Сопровождать Поезд было не только опасно и почетно, но еще и очень заманчиво: неделя пути в Таншер с ее трудностями и радостями, честно разделенными в пути, а также возможностью показать себя с лучшей стороны, нередко помогала нескольким сопровождающим вернуться в город в куртке, расшитой бусинами.

– Нас хотя бы ужином покормят? – окликнул я Миста, тщетно пытаюсь расчесать пятерней свои непокорные волосы. – Или девушек вручат и выставят?

– Грозилась, – отозвался Мист, найдя в вещах и сунув мне в руки гребень. – Они, конечно, от наших визитов не в восторге и пакостят по мелочам, – тут он выразительно покосился на полотенце, – но идти на открытый конфликт, проявляя неуважение и нарушая Договор и законы гостеприимства не станут.

Терри, вывалившийся из душевой, свирепо глянул на меня, крутящего в руках гребень.

– Сайгон, приведи себя в порядок! Я все понимаю, но ты здесь не один.

Я вздохнул – и прямодушный Терри, и тактичный Мист, предпочитающий не лезть на конфликт, а действовать исподволь, были правы – именно я привел сюда отряд, по которому будущие невесты и жены Песчаных Котов составят первое впечатление о воинах рода. И мне придется выглядеть соответственно, что бы я на самом деле по этому поводу ни чувствовал.

Пока я судорожно воевал со своими светлыми прядями, неизменно выгорающими на солнце до соломенного цвета, доставшимися мне от Уны, последние из новичков закончили прихорашиваться.

В дверь заглянула служанка в невыразительном сером платье и таком же платке, надвинутом на самые брови.

– Ужин подан, уважаемые воины. Позвольте, я провожу вас.

Я шагнул из комнаты первым, за мной плечом к плечу вышли Мист и Терри, и я знал, что остальные члены десятки и новички уже построились попарно и идут следом, держа строй и соблюдая дистанцию. Сейчас мы представляем весь род Песчаных Котов и должны произвести впечатление ради самих себя и своих соплеменников.

И все же, входя в большой обеденный зал замка Нашер, я всматривался в лица девушек, назначенных нам в невесты, искал их глаза в тайной надежде найти ту самую, единственную, точно так же, как и год, и два назад, когда приходил встречать Весенний Поезд с остальными холостяками к воротам Таншера. Я пробежал глазами по двадцати симпатичным личикам и красивым фигуркам в нарядных платьях и снова ощутил гулкую давящую тоску. Все было как всегда, ничего не изменилось. Ее здесь не было.

– Будьте благословенны Великой Праматерью, девушки, – начал я ритуал знакомства. – Я – Сайгон из рода Песчаных Котов, и мы с воинами будем сопровождать вас туда, где отныне будет ваш дом, ваш муж и ваш очаг. Пусть дорога будет к вам милостива, а выбор ваш – легким. А теперь давайте разделим пищу.

Дальше ритуал требовал взять за руку одну из невест и повести ее за стол. Я как раз всматривался в лица, пытаюсь понять, какая из них не отшатнется от протянутой мной руки, когда за одной из дверей, ведущей в зал, послышалась возня, дверь распахнулась и один из

гарнизонных воинов с силой толкнул в зал своего противника. Тот проехал по начищенному полу, не удержался на ногах и шлепнулся на колени прямо передо мной. Руки у невысокого хрупкого парнишки в необычной одежде и с непривычно яркими волосами были связаны за спиной, колени, видимо, болели от падения, но он упрямо пытался встать на ноги и преуспел в этом. Парнишка гордо вскинул голову, тряхнув выбившимися из хвоста волосами красно-коричневого цвета, и я увидел россыпь веснушек на светлой коже, закушенную нижнюю губу, нежную шею в разрезе странной рубашки, обтягивающей... грудь? А когда ошарашенно вскинул глаза, то наткнулся на злой взгляд больших серых, как озеро Карен, глаз, и понял, что мое сердце пропустило удар. Необычная, странная девушка, затянутая в синее, с красными волосами, рассыпавшимися по плечам, смотревшая на меня сейчас своими огромными глазами, более всего напоминала маленькую тростниковую птичку. Храбрую птичку, что вьет гнезда вокруг озера Карен в зарослях высоких сине-серых побегов тростника с кисточками на конце и так редко поет при чужаках, что услышавших ее пение считали благословленными Великой Праматерью.

– Кто это и почему у нее связаны руки? – Я говорил тихо, но внутри меня все клокотало от ярости из-за того, что кто-то посмел поймать эту птичку в силки.

– Привели как невесту, да вот идти не хотела, – отозвался гарнизонный. – Джону все лицо расцарапала, Хью в лодыжку пнула, убежать попыталась, Мэта вообще укусила, насилие связали.

– Значит, невеста рода Песчаных Котов, – держать лицо было невероятно сложно. – И с каких это пор гарнизонные замка Нашер позволяют себе подобное? Развязать! Немедленно!

Гарнизонный, напуганный моим рыком, сам подскочил к девушке и одним махом перерезал путы.

– Позвольте сопроводить вас к столу. – Я подал ей руку и добавил чуть слышно: – Сделай это, упорхни из этого негостеприимного замка, Птичка, оставив их в дураках.

Она поколебалась, еще раз внимательно взгляделась в мое лицо, но руку приняла. Я проводил ее к столу, придвинул стул, позволив своим пальцам прикоснуться к ее плечам в незаметной ласке, и почувствовал, как внутри меня распрямляется прежде туго затянутая пружина. Похоже, что эта птичка принесла такое долгожданное тепло в мою душу.

Обед закончился быстро. Птичка ела аккуратно и красиво, стараясь не поднимать глаз от тарелки и не смотреть по сторонам, привычно пользуясь приборами. И снова больше вопросов, чем ответов: почему эту девушку из явно обеспеченной семьи отдали в невесты воинам? Откуда она родом? Что с ее семьей? Закон времен Матери-Прародительницы гласил, что раз в год воины могут выбрать себе невест из числа девушек, живущих на территории, охраняемой родом. На практике о выборе уже давно не было речи – раз в год мы приезжали в замок Нашер, куда привозили из других городов и поселков девушек в невесты, и увозили двадцать невест, чтобы потом, в Таншере, сыграть двадцать свадеб. Нет, воины, конечно, находили себе жен и в ближайших поселках, и во время своей службы в других городах, но воинов было много, а найти самому невесту удавалось далеко не каждому. В Поезд Невест обычно отдавали младших дочерей больших семейств или девушек, на которых выпал жребий, – мы не давали выкупа за невесту, как другие мужчины. Часто более обеспеченная семья, на которую пал жребий, желая получить солидный выкуп от богатого жениха, платила семье победней, чтобы их дочь заняла место невесты. Зато наши женщины и дети жили в достатке, и вынудить девушку выйти замуж не мог никто. Впрочем, вызывать гнев воинов тоже было опасно, поэтому невестами воинов становились только здоровые, миловидные девушки. Подняв глаза на Терри, я перехватил его насмешливый взгляд и понял, что, задумавшись, втянулся в игру и старательно ухаживаю за Птичкой, подкладывая ей самые лучшие кусочки и самые вкусные блюда. И главное – мне это нравилось.

Когда Птичка попыталась подняться из-за стола, стало ясно, что инцидент с гарнизонными не прошел для нее даром. Она всхлипнула, оперлась ладонями на стол, чтобы перенести вес, и выдала такую фразу, что я подумал, что ослышался. Судя по ошарашенному виду Терри, он слышал то же, что и я. Маленькая, хрупкая девушка заковыристо выругалась. Нет, не на керимском, а на одном из языков Изначальной Земли, и если бы нашей десятке не довелось пару лет назад охранять важных земных «шишек», телохранители которых щедро пополнили наш лексикон, никто ничего бы не понял. Загадка становилась все интересней, но перед тем как ее разгадывать, Птичку следовало вылечить. Я подхватил ее на руки, почувствовал, как она напряглась, и ощутил мимолетный укол сожаления.

– Нам надо подлечить твои ушибленные коленки. Путь в Таншер неблизкий, и у нас нет с собой медицинской аппаратуры, – ровным, успокаивающим голосом сказал я. – Сейчас я отнесу тебя в бокс к медикам, а потом, возможно, ты захочешь освежиться и переодеться в чистую одежду. Судя по твоему эффектному появлению в зале, ты не успела сделать ни того ни другого.

Ответом мне был благодарный серый взгляд и тихое: «Спасибо», но я почувствовал себя настоящим счастливчиком.

Пока замковый медик занимался ее здоровьем, я нашел Терренса. Тот, подождав, пока я подойду поближе, вполголоса доложил:

– Соня, двадцать один, аркаимка, сирота. Пришла одна. И она – двадцать первая.

– В смысле? – уточнил я, растерявшись.

– Она – двадцать первая невеста. И знаешь что? Не похожа она на аркаимку.

Я только согласно кивнул в ответ, гадая, откуда же прилетела к нам эта Птичка.

* * *

Мужчине, что принес меня в бокс и уложил в капсулу, никто и не подумал возражать. Две женщины в возрасте в местных серых форменных платьях задернули вокруг капсулы темную непроницаемую занавесь и в четыре руки помогли мне раздеться до белья, увидев которое странно переглянулись. Еще более странные взгляды вызвал мой браслет, который я отдала одной из женщин, но пока мне было не до размышлений об этом. Я все еще слышала спокойный, ровный голос наемника, который почему-то встал на мою сторону в стычке с местными вояками, и от его присутствия по ту сторону занавески было спокойно. Над головой уже развернулся знакомый полог, звонко сработали замки крышки, отрезая меня от звуков и образов окружающего мира, когда я бессильно взвыла от внезапно пришедшей в голову мысли: «Техника! Буки и телефон! Поздравляю тебя, Сонечка, ты идиотка!» Но дергаться в регенерационной капсуле, равно как и пытаться из нее сбежать, – дело безнадежное. Раньше, чем будут устранены все повреждения, капсула не откроется, а копошение внутри только увеличит время на регенерацию. Я легла удобней, попыталась расслабиться и стала анализировать все, что произошло с того момента, как я оказалась на пригорке в лесу планеты Керима.

Итак, мне удалось запустить маячок, добраться до ближайшего населенного пункта и попасть в местный замок, используя легенду, которую из моих недомолвок, недосказанностей и непривычного внешнего вида сочинили местные жители. На этом плюсы, пожалуй, и заканчивались. Платежный чип почему-то настолько встревожил воина у ворот, что он велел мне его спрятать – вполне возможно, что тут запрещена современная техника, а мои штаны, вот незадача, буквально нашпигованы ей. Кроме этого меня беспокоило, что туризм

на Кериме отсутствует как класс и керимцы даже официальные делегации пускают на планету с большим трудом и после многомесячных переговоров. Как при этом будет воспринято мое невероятное появление и кем меня при этом посчитают, я боялась даже подумать. Информации о внутреннем законодательстве планеты и ее укладе у меня было еще меньше. В самом деле, не считать же информацией краткие отчеты о деловых поездках очередных бюрократов или красочные, но тонкие брошюры Фонда мирового исторического наследия, описывающие достопримечательности. Все это привело меня к тому, что если раньше мысль честно сознаться в своем инопланетном происхождении и попросить депортации еще мелькала в моей голове, то теперь я решила для начала узнать местные законы и обычаи подробней, чтобы не вляпаться в крупные неприятности. Домой хотелось вернуться живой и здоровой. Решено – сию и не высовываюсь, действую в рамках легенды.

А по легенде, я теперь невеста... Интересно – чья же? Керимцы, что в зале стояли, конечно, ничего так, подтянутые, фигуристые, все как надо, да и красота у них экзотическая – одnogруппницы бы из Летной школы визжали от радости и капали слюнями, если бы их увидели. Но с этим их воинским бесстрашием, когда лицо в безжизненную маску превращается... Наемники сразу на одно лицо становятся, так и жениха перепутать недолго. Надо брать белобрысого, его хоть по растрепанной светлой гриве отличить можно будет. Хотя кому я тут, в капсуле-одиночке, зубы заговариваю, ведь первым делом на руки посмотрела и обрадовалась, что браслета нет. Оттого вдвое обидней было оказаться перед ним на коленях, беспомощной. На одной гордости поднялась и по глазам увидела: понял, одобряет. Его забота оказалась неожиданно приятной – поданная рука, придвинутый стул, прикосновение к плечам, которое я будто бы не заметила, короче, все то, что мама называла «сокрушающей сексуальностью старых добрых хороших манер». Это было так странно, когда совершенно незнакомый человек о тебе заботится: нет, на Трионе за мной ухаживали, я встречалась с парнями еще до Эрикового навязчивого внимания, бегала на свидания то в кино, то в клуб, то в кафе. Правда, ни одна из этих встреч ничем серьезным не кончилась – Арт Крустель поставил слишком высокую планку, и мои поклонники невольно ему проигрывали.

Щелкнули замки капсулы, откинулась крышка, и я уселась на краю, осторожно свесив ноги. Женщины в сером снова скользнули ко мне, помогли спуститься на пол и накинуть халатик, выдали тонкие одноразовые тапочки. Одна из них вручила мне мои вещи, сложенные стопкой, поверх которых лежали плотные пакеты с кроссовками и браслетом. Руки ощутили знакомую тяжесть, и я перевела дух от облегчения: буки все еще оставались в карманах. Отдернув занавес, я на секунду замерла, глядя на пустое помещение и поняв, что втайне надеялась снова увидеть этого белобрысого наемника, что принес меня сюда. Но расстроиться как следует мне не дали – вторая женщина попросила идти за ней, и мы пошли по длинному замковому коридору, освещенному тем же искусственным резким светом, что и лавка с бусинами. В ушах все звучало угаданное этим белобрысым домашнее прозвище Птичка, и я понимала, что доверяю этому светловолосому темноглазому воину, гибкому, изящному и так не похожему на остальных керимцев. Доверяю, несмотря на логику и здравый смысл.

– Сайгон, подожди! – Догонявший меня человек, судя по голосу, был запыхавшимся и усталым, и я остановился, ожидая, пока он не покажется из-за поворота.

– Доктор Мартин? – удивился я, разглядев невысокого полного старичка, что был в замке Нашер за главного медика. – Что-то случилось?

– Да, эта девушка, Соня... Ты можешь пройти в мой кабинет?

Сердце испуганно сжалось.

– Что с ней?

– Нет-нет, все в порядке. Я просто хочу тебе кое-что показать.

До кабинета Мартина мы почти бежали, да и в кабинете медик повел себя странно: он заставил меня сесть в кресло, потом зачем-то включил искусственный фонтанчик, с шумом крутивший водное колесо, запер за собой дверь и прикрыл окна жалюзи. И лишь затем протянул мне листок, сделав знак, чтобы я прочитал его молча.

Я развернул распечатку результатов, полученных из капсулы, пробежал глазами параметры обследования, почувствовав, как предательски прилила к ушам кровь, когда глаза остановились на слове «девственница», и совсем было решил уточнить у доктора, что я должен во всем этом увидеть, когда дошел до крамольной строки: «Кариотип 46 XX». Я мысленно застонал и поднял взгляд на Мартина.

– Иномирянка? – спросил я помертвевшими губами.

Тот лишь кивнул, выхватил у меня из рук листок и сжег его тут же в пепельнице.

– Ты поможешь ей? – И снова вопрос можно прочесть только по движению губ.

Я лишь молча кивнул Мартину в ответ.

– Когда вы покидаете Нашер? – спросил он своим обычным голосом.

– Сегодня ночью, – ответил я, внимательно глядя ему в лицо, – если аркаимская девушка уже в полном порядке.

– Конечно, ее уже выпустили из капсулы, – блеснул тот хитрой улыбкой, – но, увы! Я могу дать тебе лишь устный отчет о ее здоровье – файл оказался поврежден.

– Ничего страшного, – с облегчением улыбнулся я в ответ, все-таки умен старый жук. – Не думаю, что все эти параметры так уж важны. Главное, чтобы девушка была здорова.

– Она в прекрасной форме, даже не сомневайся! – Мартин уже выпроваживал меня из кабинета.

Я шагал к своим воинам по коридорам замка и понимал, что сделаю все, чтобы позволить этой маленькой Птичке вернуться обратно домой, где бы этот дом у нее ни был. Керима слишком крепко держит тех, кто попался.

Глава 5

Наш отъезд из замка Нашер более всего напоминал бегство. Насладиться горячей водой мне не дали, недвусмысленно постучав в дверь небольшой, но уютной и явно женской душевой. Шампунь найти не удалось, поэтому голову, ругаясь и плюясь, пришлось мыть жидким мылом. Безрезультатно попытавшись вытереться небольшим жестким полотенцем, я выскользнула в смежную комнатку. Там обнаружили уже знакомая мне женщина в сером и стопка незнакомой, но явно новой одежды, поверх которой сиротливо лежал пакет с моим браслетом. Ни формы со спрятанными в них буками, ни кроссовок, ни даже собственного белья на месте, где оставалось мое имущество, я не увидела. На мой удивленный взгляд женщина невозмутимо буркнула:

– Командир Сайгон забрал. Просил поторопиться, они хотят выехать как можно скорей.

Я лишь кивнула, понимая, что поднимать шум и требовать свои вещи обратно сейчас глупо и опасно, и аккуратно развернула принесенный наряд.

Хвала богам, белье обнаружилось под большим шарфом. Судя по характерному запаху озона, его буквально пару минут назад прогнали через ДезУ. В какой-то момент обросшие программами и функциями бытовые ДезУшки успешно вытеснили обычные стиральные и сушильные машинки: они бережней обращаются с бельем, очищают тщательней, да и времени «стирка» с помощью ДезУшки почти не занимает. Название же «ДЕЗинфицирующее Устройство» осталось еще со времен первых колонистов, когда ДезУшки использовались именно для придания белью стерильности. Впрочем, остаются еще упрямы, например, такие, как домоправительница нашего поместья на Земле, которые предпочитают, как и прежде, стирать белье в воде, крахмалить, вешать сушиться на улице, гладить горячим утюгом и хранить в шкафу, собственноручно перекладывая цветочными саше. Ложась на свежестеленную постель в своей тамошней комнате, слабо пахнущую очередным цветочным запахом, я не могу не признать, что что-то в этом есть. Впрочем, я не привередлива и в собственную постель в квартире на Трионе на самолично прогнанные через ДезУ простыни я ложусь с таким же удовольствием.

Одежда оказалась чем-то вроде шальвар-камиза насыщенного синего цвета из похожей на вновь вошедшую в моду на Трионе конопляной ткани. Застегнув на себе слишком свободную тунику, щедро украшенную вышивкой и сшитую явно на более высокую и крупную женщину, я подумала, что кузина Малати пришла бы в ужас от моего внешнего вида. До сих пор помню ту пытку у портного, которую нам с кузиной Амели пришлось вытерпеть в первый же день наших каникул у Малати в гостях, чтобы «выглядеть достойно», то есть чтобы камиз, а особенно его рукава, были подогнаны по фигуре. Впрочем, так, как сейчас, даже лучше, я смогла спрятать браслет за широкими и слишком длинными рукавами, к счастью, утягивающимися при помощи шнурков, которыми я и закрепила рукава вокруг запястий. Прилагающийся шарф я тоже использовала не канонически: на глазах у изумленной женщины в сером я соорудила из шарфа аккуратный хиджаб, спрятав под него свои слишком яркие для здешнего места и все еще влажные после купания волосы. С таким количеством родственников женского пола, живущих в разных мирах и по разным правилам, еще и не тому научишься. Сунув ноги в самые удобные из трех пар предложенных балеток, я сообщила, что готова, и мы устремились по коридорам замка, чтобы нагнать вереницу из девушек в разноцветной, но однотипной одежде и пристроиться ей в хвост.

На заднем дворе замка Нашер было многолюдно, воины сновали между колесным транспортом (я даже вспомнила, что бабушка Лисси в своих дневниках называла их машинами), что-то паковали, негромко переговаривались. Воин, стоявший у дверей, невозмутимо пересчитывал девушек, выходявших на свежий воздух из мрачных коридоров замка по одной.

– Двадцать, – буркнул он, мельком взглянув на мою предшественницу, одетую в изумрудно-зеленое, и повернулся ко мне.

О, воистину это было шикарное зрелище: маска невозмутимости словно треснула, являя миру человеческие эмоции, вернее одну, основную эмоцию – удивление, и я поняла, что парнишка – мой ровесник, не старше. Воин смерил меня взглядом от кончика шарфа, закрепленного у виска до носков балеток, и обратно так, словно я могла раствориться, словно мираж.

– Очко! – почувствовав себя не слишком уютно под его пристальным взглядом, не сдержалась от провокации, которая отлично срабатывала на сокурсниках, занятых подсчетами вслух.

И тут же вспомнила, что молчание – золото, привычка – вторая натура, а любопытство губит кошек... и некоторых неумных женщин. По тому, как лицо воина снова приобрело вид каменной маски, по тому, как он подобрался и вмиг превратился в напрягшегося хищника, я поняла, что сделала что-то не то. Вернее, что-то очень, очень не то! И поскольку этим «не тем» было единственное сказанное мной слово, мысли тут же уцепились за него, и я обмерла – я сказала это на родном языке. Бежать было бессмысленно, поэтому оставалось только опустить глаза в пол и ждать неминуемой кары.

– Командир, – крикнул воин и крепко, до боли, сжал мое запястье, – ты мне нужен.

Светлоголовый вынырнул откуда-то внезапно, цепко скользнул взглядом по моему лицу, причем я поняла, что узнал, вопросительно повернулся к воину.

– Джеф? Проблемы?

Значит, командир – Сайгон? Тот, у которого мои вещи? Надо запомнить.

Парнишка мотнул головой в мою сторону. Светлоголовый снова повернулся ко мне.

– Соня, что-то случилось?

Решив не сознаваться до последнего, жалобно пискнула:

– Не знаю. Руку... больно. – И скосила глаза на собственное запястье, захваченное в плен железными пальцами.

И хоть я не слышала ни звука, но что-то происходило сейчас над моей головой, я это нутром чуяла, поэтому глаза решила не поднимать. Запястье мгновенно оказалось на свободе, меня вежливо подтолкнули к остальным девушкам, а командир Сайгон ушел сам, уводя за собой Джефа и крикнув в темноту коридора за моей спиной просьбу неведомому Мисту «подстраховать здесь».

Мистом оказался еще один воин, чуть старше меня, но назвать его «парнем», как Джефа, у меня не повернулся бы язык. «Гарем», как я окрестила наш женский коллектив за однотипную одежду и непрерывную стрельбу глазами в сторону воинов, издал при виде него слаженный вздох, я лишь пожала плечами и призналась себе, что ничего не понимаю в канонах керимской красоты. На мой взгляд, он был ничем не лучше всех остальных, разве что чуть более дружелюбен: как у него это удавалось с той же бесстрастной миной на лице, я понять не могла.

Мист весьма ловко разделил нас на три группы по семь человек: в первую попали четыре совсем юные девочки, которым на первый взгляд было около шестнадцати, и три девушки постарше, но с тем же обиженно-детским выражением на лице. Я вздохнула –

чужой мир, чужие правила, на Сайдоре вон и в четырнадцать могли замуж выдать, и менять этот пункт законодательства в угоду Звездному Союзу Сайдора не стала. Девушки постарше составили вторую семерку, в третью же собрали тех, кто был старше остальных. И все равно в нашей компании оказался обиженно надувший губы «младенчик». Я досадливо отвернулась и наткнулась на взгляд той самой керимки в изумрудно-зеленом камизе, что вышла во двор прямо передо мной.

– Соня, – кивнула я ей.

– Мия, – кивнула она мне в ответ, – боишься?

– Нет, – откликнулась я, прислушавшись к себе.

Действительно, страха не было, то ли оттого, что я просто не знала, чего или кого нужно было бояться, то ли от осознания, что где-то там в космосе у меня есть крепкий тыл в виде моей семьи, то ли оттого, что во мне, наконец, проснулась неистребимая семейная лисицинская черта – любопытство. Именно из-за нее тетку Марту понесло на звездолет контрабандистов, двоюродную бабушку Наилю – на Сайдору, а Амели – вскрывать сейф собственной матери, чтобы добыть папку со сведениями о Кериме.

– И я нет, – хихикнула она. – Давай держаться вместе?

Я радостно закивала в ответ – вот оно, мое спасение, местная девушка, которую можно будет расспросить поподробней.

– Ты не знаешь, долго ли нам тут стоять? – осторожно задала я первый, пробный вопрос.

– Думаю, недолго, – ответила она. – Сейчас сядем по автобусам – и в Таншер.

Я внимательно осмотрела три фырчащие железные машины, отличающиеся от остальных размерами. Значит – автобусы, надо запомнить. Но больше автобусов, больше, чем информация, где находится Таншер и что это такое, даже больше, чем мысль о том, что сейчас незнакомые люди посадят меня в архаичную колесную хрень и повезут неизвестно куда, меня беспокоил только один вопрос: сколько лун выйдет на небосклон Керимы, когда наступит ночь?

Луна оказалась одна, и была она похожа на крупную медную монетку одной давно несуществующей страны, которую я видела в коллекции дядюшки Бена и запомнила только потому, что он ласково называл ее «пятак».

Внутри салон автобуса не был похож ни на что из того, что я видела раньше: по левую сторону, сразу за водителем, располагались друг за другом два двойных сиденья, занятые девушками. Напротив них, через проход, по одному расположились два воина, одним из которых был Мист. Мы же благодаря расторопности Мии оказались на заднем сиденье вместе с девушкой в фиолетовом, которую я прозвала Малышкой. Та показательно держала между нами дистанцию: кусочек сиденья там, где у передних рядов был проход, служил границей наших «владений». Мы вдоволь нашутились с Мией об этом на единственной «санитарной» остановке, углубляясь в лес в указанном направлении под напутствие «далеко не уходить». В сумерках нас покормили ужином прямо на ходу – салат, сэндвичи и сок в пластиковом одноразовом боксе, стандартный ужин на рейсах межпланетного перелета. Я привычно вскрыла капризные индивидуальные упаковки под признательный взгляд своей соседки и почувствовала удовлетворение от того, что и сама могу быть ей хоть в чем-то полезной.

С самого выезда из Нашера на мониторе за спиной водителя крутился какой-то из ситкомов, судя по внешнему виду актеров, явно производства Звездного Союза, в который с интересом втянулись почти все девушки и тот воин, имени которого я не знала. Я же заскучала на первых минутах и предпочла смотреть в окно, а Мия извлекла из-под камиза книжку

в потрепанной обложке, отложить которую ее заставила только наступившая темнота – читать под неярким светом включившегося в салоне освещения было затруднительно. Скоро стало ясно, что все в салоне является частью большого трансформирующегося механизма: ловкие руки воинов откинули спинки кресел, что-то выдвинули из-под сидений, повернули и опустили столы, так что получились вполне эргономичные лежаки. Не знаю, было ли удобно остальным девушкам, а я словно оказалась в родном штурманском кресле и чувствовала себя прекрасно. Маленькие подушечки и мягкие разноцветные пледы, выданные каждой из нас, почему-то напомнили школьный лагерь: впечатление только усилилось, когда Мист прошел по салону, выключая лампочки над каждым сиденьем и совершенно искренне спрашивая, все ли хорошо у каждой из нас. Я только кивнула в ответ и снова уставилась в окно – у меня действительно было все относительно хорошо, если не считать того, что я свалилась одна на совершенно чужую планету, и того, что светлоголовый командир даже не заглянул в наш автобус перед отправкой.

Огромная луна и чужие созвездия завораживали, я никак не могла наглядеться на чужое небо без привычной городской засветки, как вдруг... Я протерла глаза – нет, расположение огней, силуэт в небе, скорость передвижения, остающийся след...

– Мия, – позвала я, – это же... флайбус?

Флайбусы и на Трионе, и на Земле не смогли окончательно вытеснить даже телепорты: им не требовались огромные взлетные полосы, как самолетам, они не портили экологию, возили грузы, которые нельзя было отправлять телепортами, и людей в те места, куда телепорт открыть было невозможно, использовались для проведения экскурсий, да и пробок в небе с появлением телепортов практически не осталось.

Мия открыла глаза и потянулась ко мне, чтобы взглянуть в окно. Краем глаза я отметила, что Мист повторил маневр, чтобы всмотреться в окно напротив.

– Угу, рейсовый флайбус, в Лижан полетел, – отозвалась она, – в городе же станция есть... А что?

– А почему мы на автобусах едем? На флайбусе же быстрее? – Я окончательно запуталась в лабиринте керимской логики.

– Это древняя традиция Весеннего Поезда невест, – неожиданно вклинился в наш разговор Мист, явно проговаривая давно заученный текст. – В этой поездке будущая жена воина может сама оценить походную жизнь «изнутри», почувствовать все тяготы и радости, посмотреть на воинов «в деле», чтобы составить представление о том, за кого она выйдет замуж. Каждый день ваши сопровождающие будут меняться, и вы сможете посмотреть на всех нас по очереди.

Капризный голос Малышки, сообщивший нам, что разговаривать, когда другие пытаются спать, – это ужасно невоспитанно, прервал эту в высшей степени полезную обучающую лекцию. Мы замолчали. Мия снова закрыла глаза, я же вернулась к созерцанию звездного небосвода, и утешающий шепот Миста стал для меня неожиданностью:

– Не расстраивайся. Если ты захочешь – в Таншере будет кому покатасть тебя на флайбусе.

Я едва удержалась, чтобы не фыркнуть в ответ. Во-первых, я и сама могла покатасть кого-нибудь на флайбусе, права на его вождение были обязательным условием перевода на второй курс; а во-вторых, я сильно сомневалась, что нынешняя поездка была хотя бы вполнину похожа на настоящий поход. Как-то не верилось мне в Миста, бредущего по автобусу, полному воинов, заботливо подтыкающего одеялки и выключающего свет. Я тихо и досадливо вздохнула – у воина в моем воображении, которому подтыкал одеялко Мист, оказались светлые волосы и такие знакомые глаза.

* * *

Из Нашера мы выдвинулись четко и почти без накладок. Привычная рутина цепко захватила меня в свои сети, и я полностью погрузился в подготовку к отъезду, когда меня позвал один из новеньких, оставшихся руководить погрузкой невест. Еще подходя к его посту, я уже знал, кого увижу: прямо напротив Джефа стояла растерянная Птичка. Привычная керимская одежда на ней по стечению обстоятельств снова оказалась синего цвета, а вот яркие волосы и нежная шея были закрыты необычно замотанным шарфом.

– Джеф? Проблемы?

Но воин только указал кивком на Птичку.

– Соня, что-то случилось? – попытался внести ясность я.

– Не знаю. Руку... больно. – Голос был испуганным.

Я проследил за ее взглядом, заметил руку Джефа, вцепившуюся в хрупкое девичье запястье, и почувствовал злость и разочарование. Воин не имеет права причинять боль женщине, тем более невесте, чьей-то будущей жене, и уже не важно, как я отношусь к этой девушке: Джеф нарушил правила. Новичок понял что-то по моим глазам либо до него дошло, что он натворил, потому что руку Птички тут же отпустил и даже отступил на шаг назад. Я показал ему жестом, чтобы он следовал за мной, осторожно подтолкнул Птичку к остальным женщинам и крикнул Мисту, что я прошу «присмотреть здесь». Мист, которому едва исполнилось двадцать пять, присоединился к нашей десятке всего три года назад, после свадьбы моего однокурсника, и быстро нашел общий язык со мной и с Терри, став моей второй и, как Терри шутил – «левой», рукой. Он был удивительно мягок с женщинами, позволяя им вить из себя веревки, но собственным домом сумел обзавестись только пару недель назад, поэтому его куртка была все еще свободна от бусин всех цветов радуги, мы же с Терри спорили – сколько десятков оттенков мы сможем насчитать на Мисте, когда о его переезде станет известно.

А потом снова началась рутина, так что к разговору с Джефом я смог вернуться только в машине. Когда мы благополучно вывели нашу маленькую колонну на пригородную дорогу, я обернулся к заднему сиденью.

– Ну что, Джеф, давай ненадолго забудем о субординации и поговорим? Так что же все-таки случилось у замка?

– Невест двадцать одна! – Тон ответа был обвиняющий, и я поморщился.

– Спасибо, Джеф, я умею считать. Если бы ты был внимательней, то пришел бы к этому выводу еще на обеде. Их и тогда было двадцать плюс одна.

– Но как же... – растерялся новичок, – их же должно быть двадцать?

– На основании чего ты сделал такой вывод? – обманчиво мягко поинтересовался Терри, – в Договоре ничего не сказано о количестве невест. Двадцать или двадцать одна – не имеет никакого значения, мы забираем всех предназначенных нам девушек. Да, есть некоторые негласные договоренности, но они не имеют никакой законной силой.

– Но она странная! – возмутился Джеф.

– Нам сказали, что она аркаимка, – пожал плечами Терри, – что ты от аркаимки хочешь? Вольный город...

– Но она обозвала меня задницей! – Голос у Джефа стал обиженным.

Мы понимающе переглянулись с Терри: этому парнишке не место в боевой десятке, для его же блага лучше, если он устроится в гарнизон какого-либо тихого замка, держащего воинов скорей «для красоты и престижа», чем для реальной защиты. Невнимательность,

вспыльчивость, обидчивость – каждой из этих черт достаточно, чтобы попасть в неприятную ситуацию самому и, что гораздо хуже, втянуть в нее свою десятку.

– Что, прямо так и обозвала? – развеселился я. – Сказала: «Джеф, ты – задница»?

– Не совсем, – буркнул Джеф, – она на сайдорском ругнулась. Думала, наверное, что я не знаю языка.

– Ну-ка, ну-ка, с этого места поподробней, – насторожился Терри, – рассказывай.

Каюсь, после рассказа Джефа мы ржали, как кони, а когда Терри смог наконец говорить, ему пришлось объяснять Джефу причину нашего буйного веселья.

– Видишь ли, в чем дело, – буркнул брат, вытирая слезы, – очень вредно ограничиваться при изучении языка ненормативной и бранной лексикой. Иногда среди этих слов попадаются и такие, которые имеют второй, вполне приличный смысл. Слово, которое ты принял за оскорбление, – всего лишь название карточной игры, популярной в том числе и на Сайдоре. В ней выигрывает тот, кто набирает двадцать один балл. Девушка всего лишь пошутила, что она двадцать первая. Но ты же понимаешь, что какая бы странная женщина ни встретила тебя, как бы она себя ни вела, что бы она тебе ни говорила, ты не имел права терять выдержку и причинять ей боль?

Джеф понурился, видимо, поняв, что из списков кандидатов он сегодня выбыл.

– Ложись сейчас, отдохни, – примирительно предложил я, – тебе еще в ночь машину вести, хоть немного вздремнешь.

Он покорно стал укладываться на заднем сиденье, а я поднял звуконепроницаемую перегородку, отгородившую нас с Терри. Официально – чтобы мы не мешали Джефу выспаться. На самом деле – чтобы он не слышал, о чем говорим мы.

– Она совершенно точно не из Аркаима, – первым затронул болезную тему Терри. – И я не уверен – керимка ли она? В основе сайдорского лежит один из языков Изначальной, так что она вполне может быть и сайдоркой, и землянкой, и дочерью еще пары десятков миров, где используют этот язык, а может просто хорошо знать его, и тогда мы никогда не сможем угадать, откуда она родом.

– Я с самого обеда в Нашере знал, что она иномирянка, – признался я.

– И все-таки она тебе нравится? – Терри все еще питал какие-то надежды на устройство моей личной жизни.

– И все-таки ей обязательно надо вернуться домой, пока жрецы Праматери не узнали о ее маленьком секрете, – напомнил я Терренсу.

Терри скривился, как в детстве, когда мы, не в силах дождаться урожая, обрывали и ели маленькие незрелые и ужасно кислые яблоки, и кивнул, признавая справедливость моих последних слов.

– Она мне очень нравится, – признался я шепотом, не совсем понимая – кому же именно: нахохлившемуся Терри или самому себе, – но это ничего не меняет.

Глава 6

Проснувшись, я несколько минут пыталась сообразить, где я нахожусь. Воспоминания о вчерашнем дне обрушились на меня подобно ведру холодной воды, я зябко поежилась и попыталась укутаться в плед.

Тут же справа поднялась встрепанная голова Миста.

– Соня, что-то случилось? – Мист, словно играючи, за время нашей погрузки запомнил всех девушек по именам и теперь беззастенчиво пользовался этим. – Рано еще очень, может, поспишь?

– Зябко как-то, – пожаловалась я безо всякой задней мысли, но Мист тут же перегнулся куда-то под сиденья и достал еще один плед.

– Скоро остановка? – уточнила я. Почему-то нестерпимо хотелось вскочить, что-то делать, куда-то бежать или хотя бы закричать – собственная беспомощность действовала угнетающе.

– Километров через сто, – отозвался Мист, взглядываясь в окно со своей стороны, – но, если надо, я попрошу остановить.

– Да нет, я дождусь. Ты ложись, досыпай, все в порядке. – Я старалась говорить убедительно, попутно пытаясь прикинуть скорость автобуса и время, которое мы еще проведем в пути. Выходило плохо: я все никак не могла соотнести расстояние и время.

– Соня, я же вижу, что что-то не так, – мягко ответил Мист, – может быть, ты хочешь поговорить об этом?

Я не знаю, есть ли на Кериме психологи или анекдоты про них, но, когда ты раз в полгода обязан проходить супервизию в Службе психологического сопровождения, реакция на некоторые фразы у тебя может быть весьма неожиданной. Я зашлась в истерическом смехе, который перешел в судорожные всхлипы. Мист смотрел на меня почти с ужасом.

– Алкоголь есть? – сумела выдавить я, и мне показалось, что сейчас истерика начнется у Миста. – Еще неплохо помогают пощечины, но ты же не согласишься ударить меня?

Он, не без колебания, протянул мне небольшую фляжку. Я сделала глоток и закашлялась. Что бы ни было во фляжке, оно было ужасно крепким, таким, что перехватило дыхание и из глаз брызнули слезы. Зато истерику удалось задушить на корню.

– Прости, – пробормотала я, пряча лицо в ладони, – у меня просто очень неудачный период в жизни. И я действительно не могу об этом говорить.

– Все в порядке. – Мист перегнулся над спящей Мией, забрал фляжку, лежащую у меня на коленях, и осторожно погладил меня по плечу. – Я понимаю. Но если ты захочешь поговорить – я всегда готов тебя выслушать.

Я отвернулась к окну, закуталась в плед и попыталась сжаться в комочек, насколько это было возможно. Когда чужие руки аккуратно укрыли меня вторым пледом и заботливо его подоткнули, я уже совсем не удивилась.

«Интересно, все керимцы такие заботливые или это личная особенность Миста?» – думала я, старательно выполняя технику погружения в сон – настоящий космолетчик должен уметь засыпать в любое время в любом месте.

Следующее мое пробуждение было гораздо приятней – меня осторожно тормошила за плечо Мия.

– Завтрак и горячий душ, – улыбнулась она, глядя на мою сумрачную физиономию.

– О, да ты фея, – рассмеялась я.

– Судя по твоему голосу, фея – это что-то приятное. Потом расскажешь, что это, – хихикнула Мия и потянула меня к выходу из автобуса.

– Ну как же, – удивилась я, пробираясь за ней следом, – сказочная фея... Такая, с крыльшками и волшебной палочкой, которая исполняет желания, и все такое?

– Я таких сказок ни разу не слышала, видимо, это ваши, аркаимские? Обожаю сказки, ты же расскажешь?

Я потрясенно замолчала: чертовы культурные отличия, чувствую себя как на минном поле, когда один неверный шаг может стать роковым.

– Ты знаешь, – притормозив у выхода, придержала Мию за руку и тихонько призналась, – я не совсем из Аркаима. Я жила дальше, гораздо дальше...

– Так ты с территории другого рода? – распахнула глаза Мия и тут же прижала руку ко рту. – Не бойся, я никому не скажу. А как же ты в Нашер попала?

– Случайно, – вздохнула я, – одна сволочь... поспособствовала. Я в замок шла, потому что хотела узнать, как домой попасть, и вот...

– Потом пошушукаемся, а то на нас уже смотрят, – поторопила меня Мия, и мы спрыгнули со ступеньки в свежесть теплого утра.

Небольшой двухэтажный дом с красной черепичной крышей, выкрашенный охряной краской, встретил нас табличкой «Отель «Дорожный» на всеобщем языке, ароматами готовой еды и гостеприимно распахнутой дверью.

Мист тут же оказался рядом, подмигнул Мии, внимательно взгляделся в мое лицо и несмело улыбнулся:

– Кухня налево от входа, женские душевые прямо по коридору и направо, там же лежат полотенца и сменная одежда. Как вы, девочки?

– Я в порядке, – улыбнулась я в ответ, машинально погладила его по плечу и повернулась к Мии.

Та стрельнула в Миста глазками, кокетливо потупилась и тут же, повернувшись ко мне, совершенно обыденно спросила:

– Ты что предпочитаешь сначала: позавтракать или помыться?

Я вспомнила студенческую практику и хихикнула:

– Давай сначала позавтракаем. Горячая вода же не кончится? А вот еды нам может достаться существенно меньше. В том, чтобы мыться последними, есть свои плюсы – никто не подгоняет, да и у ДезУшек столпотворения уже нет, думаю, что запасного белья нам не предложат.

– Чувствуется практический опыт, – уважительно согласилась Мия, и мы двинулись на запах.

Когда чистые, сытые и довольные мы выбрались во двор дома греться в теплых лучах солнышка в ожидании отправки, я несколько раз попыталась найти глазами светловолосую голову, но так и не преуспела в этих поисках. Мист, старавшийся все время держаться рядом, в это время рассказывал Мии явно что-то смешное, приходилось изображать улыбку, чтобы снова не встревожить его.

Наконец его позвал кто-то из воинов, и он, извинившись, побежал на голос.

– Правда же, он хорошенький? – восхищенно выдохнула Мия.

– Ага, – кивнула я машинально, в очередной раз обшаривая двор глазами и не находя искомого.

«Ну и ладно, ну и пожалуйста, не больно-то и хотелось, – обиженно пыхтела я про себя. – Парень как парень, ничего особенного, таких пучок на пяточок можно найти, а уж на Трионе-то... И вовсе даже он мне не нравится, так... глаз зацепился. Думает – бегать за ним буду? Не дождется!»

С этими мыслями я и заняла свое место в автобусе.

* * *

Мне выпало вести машину под утро, поэтому сразу после остановки я забрался на заднее сиденье и попытался уснуть. Настроение было не ахти: выбравшись из-за руля, я сразу же нашел глазами фигурку в синем, и мне оставалось только раздраженно выдохнуть. Рядом с Птичкой уже стоял Мист, и я видел, как она улыбнулась ему и осторожно прикоснулась к плечу. А потом, когда я решился подойти поближе, я услышал, что она считает Миста «хорошеньким». Слово было дурацким, и я скривился – «хорошеньким» может быть щенок или ребенок, но никак не воин. Наверное, все складывалось к лучшему – она улетит с планеты сразу же, как появится такая возможность, а мне через девять дней будет уже все равно, но почему-то стало неуютно. Я знал, что Мист нравится девушкам, и знал, что девушки думают о моей внешности, просто мне ненадолго показалось...

Какие глупые и несвоевременные мысли, в самом деле.

Вечером меня разбудил Мист собственной персоной и, не обращая внимания на мою хмурую физиономию, уточнил, кто сегодня по жребии должен сменить их в автобусе с Птичкой.

– Зачем тебе? – насупился я.

– Хочу, чтобы за ней приглядели, – совершенно не таясь, ответил он и тут же добавил: – У нее утром была истерика. Она, конечно, молодец, от моей помощи отказалась и сумела самостоятельно справиться. Но это не обычные капризы невест, там что-то гораздо более серьезное, я за нее волнуюсь.

За те несколько секунд, что потребовались мне, чтобы понять, что я пал жертвой своего воображения и что на самом деле беспокоит Птичку, Мист успел как следует рассмотреть мое лицо. Присвистнув, он повернулся к Терри, стоящему за его спиной.

– Это то, о чем я думаю?

– Определенно, если ты думаешь о том же, о чем и я, – фыркнул тот в своей обычной манере.

– Ну наконец-то! – обрадовался Мист и решительно дернул меня к выходу. – И чего ты тогда разлеживаешься? Иди подойди к ней, поговори о чем-нибудь, ну же! Да не смотри ты волком, я за ней присматривал, а не то, что ты, дурень, себе надумал. Я твои бусины отбирать не намерен.

– Он стесняется, – отозвался Терри и тут же шкодливо шмыгнул за спину Мисту.

– Клоуны, – беззлобно огрызнулся я, выбираясь из машины в сгущающиеся сумерки и разминая затекшие конечности.

* * *

Вечерний привал мало чем отличался от утреннего, разве что отель теперь назывался «У обочины», здание его было построено из белого кирпича, и кроме еды и горячей воды нам еще полагались трехместные номера на втором этаже. Обед я благополучно проспала, да и что еще было делать в автобусе, если Мист занял место за рулем, Мия снова уткнулась в свою книжку, а пейзажи за окном достаточно скоро опротивели. К моему величайшему сожалению, третьей в нашу комнату поселили ту самую Малышку, с которой мы делили заднее сиденье автобуса. Мия позлословила на эту тему и решительно забралась в постель с книгой, выключившись из реальности, а я сбежала от надменно-обиженной физиономии новой соседки на улицу – отдохнувший организм спать отказывался. Нагретое за день дерево ступеней, на которых я устроилась, успокаивало, а незнакомые созвездия вызвали искренний интерес.

Звездное небо Керимы было удивительно красивым: в чем-то неуловимо похожее на земное и в то же время совершенно другое, чужое и непонятное. В детстве папа купил для меня телескоп, и мама потом долго припоминала ему эту покупку при каждой перестановке в детской. Телескоп оказался громоздким и требовал внимания и сосредоточенности при наладке больше, чем было у меня в восемь лет. Достаточно скоро он стал чем-то вроде предмета интерьера непонятого назначения, а мы с папой перешли на атласы звездного неба и сайты космических агентств.

– Не спится?

Не хотелось признаваться даже самой себе, но я мгновенно узнала этот голос и повернулась, чтобы взглянуть на его светловолосого обладателя.

– Да, днем в автобусе выпалась, – не сумела придумать более оригинального ответа я, да и этот-то выговорился с трудом. Не слишком красноречивая в обычной жизни, сейчас я мучительно пыталась подобрать слова, чтобы поддержать разговор.

– Вот и я выпался, – помолчав, ответил командир, – а Терренс ужасно храпит. Я присяду?

Крыльцо скрипнуло под уверенными шагами, и командир, не дожидаясь моего ответа, устроился на крыльце рядом со мной, вытянув длинные ноги. В отличие от гарнизонных, «наши» воины одевались удобно и просто, вот и командир сейчас был в обычной светлой футболке, синих широких штанах и босиком. Длинные светлые пряди, небрежно заправленные за уши, были еще влажными после душа. Я смущенно перевела глаза на его руки и наткнулась на татуировку, изображавшую хищного зверя явно из кошачьей породы, вольготно растянувшегося на правом предплечье.

– Песчаный кот, – смущенно объяснил Сайгон, заметив мой интерес, – на третьем курсе воинской школы ребята подбили. Ну, знаете, как это у подростков бывает?

Я только кивнула, опять не найдя, что ответить: помнится, в старших классах я тоже хотела татуировку. Нет, отец не ругался, не спорил, не пытался отговорить. Он согласился, даже нашел по знакомым салон и мастера, но поставил условие – татуировка должна быть в таком месте, чтобы ее можно будет скрыть одеждой, соблюдая дресс-код тех миров, где проживают наши родственники. Через два месяца изучения требований к одежде и регионов проживания Девочек Лисси мне с прискорбием пришлось признать, что моя идея провалилась – те места, которые оставались прикрытыми любой одеждой, я сама не горела желанием демонстрировать молодому симпатичному мастеру тату-салона.

Мы неловко замолчали, потом я, не найдя ничего лучшего, ляпнула:

– А почему вы босиком?

Командир недоуменно взглянул на свои босые ступни и пожал плечами:

– Отдыхаю от обуви... Пока ехали в Нашер, толком нигде не останавливались, а от ботинок устаешь.

– И не холодно? – попыталась я спасти разговор.

– Да я привык, – отозвался Сай, и мы снова неловко замолчали.

Я с тоской подняла глаза к небу, ну не о погоде же говорить, в самом деле, и обрадовалась звездам, как старым знакомым.

– Сайгон... – но договорить мне не дали.

– Зовите меня Сай, – поспешно отозвался мой собеседник, и я мигом растеряла всю свою решительность.

Впрочем, сидеть в тишине было мучительно, поэтому пришлось брать себя в руки.

– Сай, вы любите звезды?

Он ответил не сразу.

серии «Крылья бабочки», на издателей которой с десятков раз подавали в суд за попадающие в книги откровенные сцены. Каждый раз поднимался большой шум, адвокаты надували щеки, издатели давали интервью, и все обычно заканчивалось досудебным примирением и стремительным взлетом продаж очередной «нетленки».

Я вздохнула и присела к Мии на кровать.

– Скажи мне, ты, когда по лестнице вверх бежишь, ты потом нормально дышишь?

– Ну... не очень, – недоуменно ответила она, удивившись тому, что я сменила тему.

– А если у тебя сумка тяжелая еще или две?

– То мне надо будет отдышаться...

– Тогда почему ты веришь этой глупой книге, а не здравому смыслу? Представь, что будет с бедным мужчиной, который, волоча на себе твой вес, побежит вверх по лестнице? Думаешь, у него потом на что-нибудь силы останутся? Нет, задыхаться он, возможно, будет, только вот не от страсти. Это же любовный роман!

Мия посмотрела на меня растеряннo и жалобно спросила:

– Значит, так не бывает?

– Боюсь, что нет, – ответила я извиняющимся тоном. – Любовные романы – это такие волшебные истории для девочек, чтобы было о чем мечтать.

– И что же делать? – окончательно пала духом Мия.

Я пожала плечами:

– Видимо, найти среди наших женихов того, кому будет интересно, о чем ты мечтаешь.

– Ну тебя, – махнула на меня рукой Мия, отбирая книжку, – пока я буду присматриваться, «эта» всех приличных парней бусинами обвешает. – Обличительным жестом Мия указала на кровать нашей соседки.

– Что, прямо обвешает? – сделала я удивленные глаза.

– А то, – фыркнула Мия, – у нее их три полные банки, я сама видела, и цвет такой... сиреееееневый...

И я уже было обрадовалась, что смогу узнать хоть что-то про эти клятые бусины, вокруг которых крутятся все разговоры в последнее время, но снизу донеслась заунывная мелодия.

– О! Охотничий танец, бежим, а то опоздаем! – мгновенно встрепенулась Мия, выскочила из кровати и, наскоро переплетя косу, потащила меня к выходу. – Соня, не тормози, а то кого-нибудь пропустим!

И я побежала за нею следом.

Глава 7

Из помещения, которое я назвала для себя «столовой», вынесли столы, а стулья расставили вдоль трех стен, как на утреннике в начальных классах. В середине надрывался странный инструмент, более всего похожий и по звучанию, и по внешнему виду на незаконнорожденного сына волынки. На стульчиках, что только усиливало сходство с утренником, чинно сложив руки на коленях, сидели люди – невесты вдоль одной стены, вдоль другой, напротив, жадно рассматривающие девушек воины, а в торце зала, судя по фартукам и колпакам, устроился обслуживающий персонал. Два стула в «невестинном ряду» были пусты, и Мия отправилась напрямик туда, но я успела дернуть ее за руку и показала взглядом на чуть прикрытый тяжелыми гардинами подоконник дальнего от входа окна.

– Тебе очень хочется, чтобы на тебя пялились, как на клубничный десерт, что был на сегодняшнем ужине? – зашипела я ей на ухо.

Мия без слов изменила траекторию движения, и скоро мы удобно устроились в импровизированной засаде. Меня немного беспокоили пустые места, но тут откуда-то выпорхнули две девчушки и, стараясь сделать независимые и взрослые лица, уселись рядом с невестами. Судя по тому, как покраснел один из поваров, этих девочек он знал, и неплохо. Но несчастный инструмент, судя по издаваемым им звукам, умирающий сейчас посреди столовой в адских мучениях, требовал уважительного к себе отношения, поэтому повар мог только корчить рожи, активно жестикулировать и показывать пантомимой методы физического воздействия, которые ожидают двух вертихвосток.

Я бегло оглядела воинов, запоздало сообразив, что мне не стоило появляться там, где я могу пересечься со светловолосым командиром, но, к моему счастью, Сая среди них не было. Инструмент издал серию полузадушенных визгов и окончательно умер, исполнитель с достоинством встал и в полном молчании покинул помещение, нежно прижимая трупик недовольники к себе. Я обреченно закатила глаза: живая музыка – это не только прекрасно, статусно и плюс двадцать процентов к ценам в меню, но иногда это еще и невыносимо. Но на мое счастье, действие окончательно съехало к сценарию сумасшедшего утренника – двое воинов подскочили к центральному окну, распахнули его, послышался шум мотора, не слишком хорошо запахло, и я приплюснула нос к окну, стараясь разглядеть события, творящиеся в темном дворе. Небольшой фургончик из нашего каравана аккуратно сдавал задом с открытыми задними дверями, с тем чтобы подъехать вплотную к открытому окну и замереть.

А потом из фургончика грянула музыка.

Я сумела не засмеяться в голос, пока танцевала первая тройка. «Охотничий танец», как мне удалось аккуратно наводящими вопросами уточнить у Мии, был старше колонистов. Согласно фольклору, танец был привезен с Изначальной Земли, кстати, я поверила фольклору сразу, уж больно знакомым мне он показался. Считалось, что этим танцем воины показывают свою храбрость и силу, умение чувствовать своих напарников, а также грацию и мужскую красоту. Воин должен был уметь встать в пару или тройку к любому другому воину своего рода и ни разу не сбиться, не запутаться и не нарушить рисунок танца. Нынче воины были наряжены в традиционные танцевальные костюмы – белая рубашка с распахнутым воротом, в котором виднеется красный шейный платок, короткая кожаная курточка и самая убийственная деталь туалета – широкие, богато расшитые штаны, перетянутые в талии кушаком и обильно украшенные снизу рюшами. Высокие сапоги до колена со шнуровкой по всей длине были единственной деталью туалета, над которой не хотелось смеяться. Но вот круглые широкополые шляпы с круглой приплюснутой тульей, намертво притянутые к голове кожаным шнурком, и свернутые узлом волосы сразу под шляпой, украшенные шпильками с ярким стеклярусом, чуть не стали для меня роковыми. Я боялась, что с

выдохом из меня выльется все накопившееся веселье, и это будет настоящей катастрофой, поэтому зажала рот руками, задержала дыхание и держалась, пока из глаз не потекли слезы. Парни переминались с ноги на ногу, изображая попеременно то пьяного медведя, то беременную утку, то кошку, копающую лоток. Время от времени кто-нибудь из них, отвлекаясь от па ногами, вспоминал о цели танца и начинал изображать на лице страсть, то есть бешено выпучивать глаза. Хуже всего мне приходилось в те моменты, когда воины с самым серьезным выражением лиц подносили левую руку к сердцу, адресуя этот жест невестам.

– Не расстраивайся, – ринулась утешать меня Мия, увидев, как я мотаю головой и вытираю набежавшие слезы, – это же новички, что они умеют? Вот сейчас начнут танцевать старшие, вот тогда увидишь класс!

Я присмотрелась к первой тройке и действительно разглядела там Джефа и парнишку, который ехал в нашем автобусе. Однако это не успокаивало – я боялась, что танец тройки старших я уже не переживу.

– Вооот, смотри, повзрослее вышли. Видишь, у них даже ведущий из тех, кто с ножом.

Я заинтересованно осмотрела вторую тройку танцующих – воины, конечно, были повнушительней предыдущих танцоров, но это все равно не спасало ситуацию. Я решила, что вряд ли кто-то сможет выглядеть не по-дурацки в этих своих расшитых панталонах с оборками, свисающими поверх сапог.

– Мия, миленькая, – взмолилась я, – давай прогуляемся, мне немного нехорошо. А вернемся к следующей тройке, ладно?

Мия только вздохнула, и мы прокрались к двери.

На улице было уже темно, тусклый свет лампы над входной дверью отбрасывал у сумерек не так много.

Мы с Мией устроились на крыльце, как немногим раньше, и я снова не услышала, как он подошел.

– Почему вы не смотрите танец, девушки? – Голос Сая был ровным и таким холодным, что, казалось, за шиворот насыпали ледышек.

– Соне стало нехорошо, – тут же пискнула в ответ Мия, – мы вышли подышать.

Пришлось держаться озвученной версии.

– Мне стало душно, – прошептала я, потупившись и прижав ладони к покрасневшим от сдавленного хохота щекам. – Мы скоро вернемся. Ничего серьезного!

– Командир Сайгон, а вы будете танцевать? – перешла в наступление Мия.

– Не в этот раз, Мия, сейчас мое дежурство, – вежливо откликнулся Сай, выразительно глядя на нас.

Пришлось вернуться в здание. Пока мы шли к столовой, я успела наклониться к уху Ми:

– У меня ощущение, что командир – единственный здравомыслящий воин среди наших сопровождающих.

– Почему? – одними губами спросила та.

– Потому что отказывается танцевать в этих ужасных расшитых штанах.

Мы пересидели некоторое время в женском туалете и появились в зале, только когда готовилась к танцам четвертая тройка. Все они были ближе по возрасту к Саю, чем к Джефу, у всей тройки за кушаки были заправлены ножи, и лица у них были спокойные – ни напряжения, ни сосредоточенности, словно они просто вышли постоять в центр танцевальной площадки.

– Мий, а ножи у них не выпадут? – забеспокоилась я.

– Не выпадут, – отмахнулась от меня та, жадно рассматривающая одного из танцоров. – Потерять нож – большой позор, так что они очень хитро его крепят, это ж целое искусство.

Да не отвлекайся ты, давай смотреть, и так две тройки пропустили! Они танцуют-то редко, только вот когда Поезд везут или когда обряды Матери-Прародительницы проводятся. А ты чего спрашиваешь? У вас воины не танцуют?

– Танцуют, – тут же припомнился последний праздник совместно с Военной Академией, – просто по-другому.

Снова зазвучала музыка, и только теперь я поняла, почему Мия так рвалась посмотреть на танцоров. Тройка двигалась слаженно, как единый механизм, отбивая сложный ритм подбитыми металлом сапогами, и суровое выражение лиц уже не казалось смешным или нелепым, как и рука, прижатая к сердцу – все было всерьез и по-настоящему. Это был совсем другой танец, и он мало походил на то, что изображала первая тройка. Сейчас я видела отточенные движения, четкие перестроения, едва уловимые знаки, которыми обменивались воины в танце: хищная, завораживающая сила, притворяющаяся безопасной. Вот аккуратно положены на пол шляпы, вот воины по очереди выходят солировать, без ложной скромности показывая то, на что они способны, вот вплелись в танец ножи, блестящие в искусственном местном свете, отстукивая ритм по полу, сапогам, всему телу. И финальный аккорд, когда воины резко падают на одно колено перед смущенными невестами.

– Как тебе? – шепнула Мия.

– Нет слов! – призналась я, мысленно порадовавшись, что наблюдаю за танцами из засады и нет нужды смотреть в лицо танцорам.

Словно слышав наши переговоры, один из тройки медленно повернулся в нашу сторону. Мы с Мией шарахнулись в разные стороны и забились каждая за свою гардину.

– Отвернулся, – зашептала Мия, подглядывающая в щелку, – надеюсь, не заметил?

– Хотелось бы, – согласилась я.

Но тут в центр зала неспешной походкой вразвалочку вышел Мист, а следом за ним еще один керимец постарше.

– Это Терренс, брат командира, – воодушевившись, сообщила мне Мия громким шепотом.

– И он храпит, – зашептала в ответ я, шокировав Мию до глубины души, так что пришлось объясняться. – Так командир сказал.

– Ну ты даешь! – восхитилась Мия. – Ты уже успела поговорить с командиром? И как? О чем говорили?

– Нет, это ты даешь, – фыркнула я в ответ, – вроде бы весь вечер в кровати провалялась, а все равно уже всех воинов по именам знаешь.

– Ну не всех, но...

Договорить нам не дали, снова зазвучала музыка, и только теперь я обратила внимание на то, во что одеты эти двое. Куртки и шейные платки на голое тело, вместо кушаков широкие блестящие пояса, волосы, как и у командира, длиной чуть выше плеч и никаких шляп и «гулек» на затылке. Они стояли друг напротив друг друга и более всего напоминали не потенциальных женихов, а двух дерущихся петухов. И снова танец был совсем другим – эти двое атаквали и отступали, подначивали друг друга, вытворяя что-то невозможное, прыгая и вскидывая ноги, делая почти балетные повороты, отстукивая подкованными каблуками ритм и пуская блики лезвиями ножей.

Да и закончили они свой танец неожиданно – Мист ловко подхватил чью-то шляпу, сдвинул ее на лоб, сразу приняв бандитский вид, а Терренс сделал вид, что подгоняет его к двери пинками. А когда восхищенные перешептывания девушек затихли, эти двое прогарцевали в обратную сторону в полной тишине, нарушаемой только бешеным ритмом, выбиваемым их каблуками, помахивая шляпами и с самыми ехидными улыбками на губах.

– Позеры, – хихикнула я... и поплатилась за несдержанность.

Передо мной тут же вырос тот самый воин из предыдущей тройки, который заметил наше с Мией убежище.

– Прекрасная аркаимка покажет, как танцуют в вольном городе? – усмехнулся он, протягивая мне руку.

Если он надеялся испугать или сконфузить меня приглашением на танец, то он сильно просчитался. После трех лет занятий хореографией, входящей в обязательное воспитание отпрысков Лисси, я боялась только Полину Сергеевну, нашу тетку, бывшую балерину и по совместительству учительницу. Впрочем, мне кажется, что пожилую сухощавую, всегда аккуратно одетую и причесанную волосок к волоску тетку Полину с ровной прямой спиной и неизменной камеей на белой отглаженной блузке боялись даже наши матери, также прошедшие через горнило станка, батманов, плие и первой позиции. Думаю, поэтому никакие секции и занятия не были достаточной причиной для спасения от хореографии – ни одна мама не согласилась бы вступить на территорию тетушки даже с призрачным намеком на то, что есть что-то более важное, чем выворотность ног, гибкость или прыжок. Кузен Майкл, на вечеринке по случаю получения диплома изрядно принявший на грудь, признался, что ему еще снится время от времени танцкласс и тетя Полина, командующая: «Мишка, колено держи, куда оно пошло! Втяни живот! Покажи мне спину», и он просыпается в холодном поту.

Основы танцев, вбитые в юном возрасте, цепко осели в наших головах, шутки ради мы с Амели на прошлых каникулах попытались вспомнить наш «выпускной» танец и вспомнили его совместными усилиями до мельчайших движений рук. Конечно, техника у нас была уже не та, но мы и не стремились к идеалу, просто вспоминали детство.

И вот сейчас я смотрела на настойчивого воина и решала в уме сложную задачу – танцевать, рискуя усилить сомнения светловолосого, или сделать вид, что я спасовала. Оба варианта мне не нравились.

– Простите, любезный, не знаю, как вас зовут... – начала я, принимая весьма чопорный вид в лучших традициях тетушки Полины.

– Брендон, сын Ченинга, – отозвался воин, слегка ошарашенный метаморфозой.

Я осторожно, «по-отечески» похлопала Брендона по руке.

– Видите ли, любезный Брендон, сын Ченинга. Бесспорно, аркаимское танцевальное искусство весьма впечатляюще и достойно для демонстрации на любом празднике, но именно сегодня у меня был трудный день. Увы, я не чувствую в себе сил, дабы достойно преподнести сокровенные жемчужины аркаимских танцев перед блистательной публикой, и вы должны простить хрупкой, незащитной женщине ее слабость. Но вы прольете бальзам на мое сердце, если составите пару моей подруге Мии, которая из дружеских чувств ко мне обрекла себя на тусклое, бесцветное окончание вечера вдали от праздника.

Брендон и Мия ушли танцевать вместе с одинаково удивленными выражениями лиц, а я забралась на подоконник с ногами, задернула гардины и стала смотреть в окно на темный двор.

Сначала ничего не происходило и я просто таращилась в сумерки, разглядывая очертания припаркованных автобусов, хозяйственных построек, едва угадываемых в неровном свете старенького уличного фонаря. Если представить вместо автобусов флайбусы, то картинка становилась такой понятной и уютной: мы после сессии сорвались к кому-то на дачу, и стоит мне оглянуться, как я увижу своих одноклассников, которые споро накрывают на стол. Но тут во дворе, разбивая мои грезы, промелькнули силуэты двух человек, спешащих к ранее не замеченному мной третьему. Я прижалась к стеклу лбом, старательно вглядыва-

ясь в фигуры людей и пытаюсь понять, кто же они. Воины, а это были именно они, перебрались поближе к фонарю, мелькнули светлые волосы, потом стало видно, что у двух других темные гривы острижены выше плеч – Сайгон, Мист и брат командира, кажется, его зовут Терренс. Подсматривать за ними было неловко, и я уже было решила развернуться лицом в зал – ну мало ли какие у командира и двух его заместителей могут быть дела, но тут Терренс сделал странное, явно танцевальное движение и стал заваливаться набок. Отворачиваться сразу расхотелось, и я прилипла к окну еще сильнее, чувствуя, как сплющивается кончик носа. Последовало бурное обсуждение, сопровождаемое обильными взмахами рук, потом... А потом Сай стащил темную куртку, оставшись в знакомой белой футболке, и повторил это же движение, но четко и чисто. Терренс опять запутался в ногах и потерял равновесие, свалившись в сторону Миста. Тот ловко придержал его и поставил вертикально, а Сай вытянул руку и слегка стукнул брата по лбу, но повторил движение еще раз, а потом еще раз и еще раз. Мист присоединился к нему, что-то пытаюсь втолковать неудачливому танцору.

Они повторяли снова и снова, пока у Терренса не стало получаться, потом пришла черед танцевальных связок, только теперь в ногах путался Мист, неловко спотыкаясь и теряя шляпу. Сайгон показывал, объяснял, снова показывал, двигаясь в полумраке с хищной грацией. Я смотрела на этот танец, который не видел сейчас больше никто, с жадным удовольствием и затаенным, сладким вкусом запретного плода на губах. Вот в резком свете фонаря замелькали ножи, вот худощавый гибкий командир, чья белая футболка невольно притягивала в сумерках взгляд, встал центральным и повел свою тройку в неслышном сейчас рваном ритме, и со всей очевидностью стало понятно, кто тут главный. Они танцевали в сгустившихся сумерках, свободно и раскованно, не глядя по сторонам, и я поняла, что стараюсь не дышать и не могу отвести от Сая глаз. А когда все три ножа, блеснув, воткнулись в землю, Терренс и Мист вскинули головы, надвинули возникшие, словно из воздуха, шляпы и отсалютовали мне синхронным движением. Сайгон, который успел нагнуться за своим ножом, заметно напрягся, выпрямился и внимательным взглядом прошелся по окнам, так, что в какой-то момент я решила, что он смотрит прямо на меня. Я пискнула и вылетела из-за гардины, желая более всего сейчас убежать в нашу комнату и крепко запереть за собой дверь.

К несчастью, хоть мне и показалось, что за гардиной я просидела вечность, в «столовой» прошло не так много времени. Да и выскочила я крайне неудачно – прямиком к парам, ждущим начало следующего танца. Жгучее чувство стыда было сильнее остальных мыслей, поэтому я только беспомощно крутила головой, не понимая, что же делать. Но первые же такты такой знакомой мелодии помогли взять себя в руки – я знала этот танец, знала хорошо – мы всегда танцевали его на всех семейных вечеринках в память о бабушке Лисси, и даже тетка Полина снисходила до него. И я решила, что это сама судьба подсказывает, что надо танцевать. Оставалось дело за малым – найти партнера, и я (вот странно, да?) не хотела, чтобы это был воин. Спешащий мужчина в белом колпаке, выдернутый мной за руку на танцпол, был удивлен – это был тот самый повар, обладающий невиданным талантом к пантомиме. Что же, решила я, мы составим идеальную пару, а двум смелым вертихвосткам удастся еще немного оттянуть миг неминуемого наказания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.